МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ: 1. 11 и 21 чиселъ. Цѣна годовому изданію 5 руб., полугодовому—2 руб. 50 коп.

№№ 13—14.

Подписка принимается въ редакціи „Епархіальныхъ Вѣдомостей", въ Могилевѣ губернскомъ.

1—11 мая. Годъ XIV. 1896 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Кавалерской Думы, въ 3-й день февраля 1896 года, Высочайше соизволилъ на награжденіе орденомъ св. Анны 3-й степени, по статуту сего ордена, нижеслѣдующихъ священниковъ церквей, Могилевской епархіи: Микулинской, Оршанскаго уѣзда,—Іоанна *Терновскаго*, Милославичской, Климовичскаго уѣзда,—Іоанна *Ліоренцевича*,—Трипутинской, Мстиславскаго уѣзда,—Николая *Стратоновича* и Горецкой Троицкой—Петра *Шимкевича*.

Перемѣны по службѣ.

— Священникъ Пирянской церкви, Мстиславскаго уѣзда, Матѳей *Дубянскій* 11 апрѣля скончался.

Протоіерей Высоковской церкви, Оршанскаго уѣзда, Михаилъ *Чулицкій* 22 апрѣля скончался.

Вакантныя мѣста:

а) **священническія** при церквахъ:

1) *Головчинской*, Могилевскаго уѣзда, съ 29 марта; жалованья 500 р.; церковной земли 276 дес.; помѣщенія нѣтъ; прихожанъ 1632 д. муж. п. и 1548 д. жен. п.

2) *Краснопольской* (второго священника), Чериковскаго уѣзда, съ 31 марта; жалованья 333 р.; церковной земли на оба причта 34 дес.; помѣщеніе есть, но весьма ветхо; прихожанъ 3485 д. муж. п. и 3531 д. жен. п.

3) *Пирянской*, Мстиславскаго уѣзда, съ 11 апрѣля; жалованья 500 р.; церковной земли 45 дес.; помѣщенія нѣтъ; прихожанъ 1137 д. муж. п. и 1150 д. жен. п.

4) *Высоковской*, Оршанскаго уѣзда, съ 22 апрѣля; жалованья 500 руб.; церковной земли 78 дес.; помѣщенія нѣтъ; прихожанъ 1909 д. муж. п. и 1872 д. жен. п.

б) **псаломщицкое** при —

Ряснянской церкви, Чаусскаго уѣзда; церковной земли 56 д.; помѣщенія нѣтъ; прихожанъ 2371 д. муж. п. и 2330 д. жен. п.

СОДЕРЖАНІЕ ОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Высочайшія награды.—Перемѣны по службѣ.—Вакантныя мѣста.

Редакторъ *И. Пятницкій.*

Печат. дозвол. 1896 г. 3 мая Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей І. Мигай.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.

МОГИЛЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1—11 мая. №№ 13—14. 1896 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНЫМИ И УНІАТАМИ ВО „МСТИСЛАВЩИНѢ" ВЪ КОНЦѢ XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII В.

Ко времени введенія въ Западно-русской церкви уніи православіе въ „Мстиславщинѣ" (тогдашнемъ Мстиславскомъ воеводствѣ) достигло значительной крѣпости. Населеніе самого города Мстиславля, будучи въ то время гораздо многочисленнѣе и богаче, чѣмъ теперь, имѣло у себя до 10 приходскихъ, въ общемъ благоустроенныхъ, церквей и одинъ монастырь „Николы Горнаго". Вокругъ этихъ церквей въ то время, можно сказать, кипѣла церковно приходская жизнь. Свидѣтельствомъ особеннаго радѣнія о церкви и благочестіи православныхъ горожанъ служитъ то, что во Мстиславлѣ около половины XVI в. лучшіе православные люди сгруппировались въ одно церковное братство. Не чуждо было городское населеніе и стремленій къ просвѣщенію. Потребности въ обученіи дѣтей тогда удовлетворяли, какъ намекаютъ историческіе памятники, монастыри Пустынскій и Онуфріевскій, находившіеся недалеко отъ города. Не маловажно въ данномъ отношеніи и то обстоятельство, что одинъ изъ извѣстныхъ первыхъ печатниковъ русскихъ носилъ названіе Мстиславца и происходилъ, какъ съ вѣроятностію догадываются, изъ Мстиславля. Что касается сельскаго населенія, то и оно имѣло уже у себя тогда не мало церквей: многія изъ существующихъ въ настоящее время церквей воспріяли свое начало уже въ XVI в. Понятно послѣ этого, что унія во Мстиславщинѣ

должна была встрѣтить сильный отпоръ со стороны православныхъ. Такъ и случилось. Уцѣлѣвшіе до насъ историческіе памятники не даютъ намъ возможности нарисовать полную картину той борьбы, которую вели здѣсь православные съ уніатами въ первые 50 лѣтъ уніи, и мы вынуждены довольствоваться эпизодическимъ изложеніемъ. Впрочемъ, многіе извѣстные намъ эпизоды изъ исторіи этой борьбы настолько ярки, что и на основаніи ихъ можно составить довольно вѣрное представленіе о характерѣ отношеній, существовавшихъ между боровшимися сторонами.

Унія затрогивала многоразличные жизненные интересы населенія, не только церковно-религіозные, но и экономическіе, бытовые, правовые и т. п. Поэтому и самая борьба православныхъ съ уніатами велась на разныхъ почвахъ. Было бы, конечно, наивнымъ думать, что въ этой борьбѣ только уніаты дѣйствовали внѣшнею силою. При столкновеніи та и другая сторона мало разбирала средствъ. Но для правильной оцѣнки этихъ средствъ нужно всегда помнить, что уніаты дѣйствовали наступательно, а православные лишь оборонительно; уніаты посягали на церкви и ихъ имущество, не принадлежащія имъ, а православные защищали свое исконное достояніе.

Первый уніатскій архіепископъ Полоцкій Германъ Загорскій (въ составъ его епархіи входило и Мстиславское воеводство), принявъ унію, старался показать видъ, что имъ не совершено никакой важной перемѣны въ дѣлѣ вѣры и требовалъ отъ православныхъ Полоцкой епархіи подчиненія своей юрисдикціи. Но во Мстиславлѣ рѣшили не признавать его власти. Со стороны Мстиславскаго и окрестныхъ селъ духовенства это рѣшеніе выразилось въ томъ, что духовенство не хотѣло отдавать архіепископу дани („куницы“), которую, по обычаю, должно было отдавать оно всякому новопоставленному въ епархію епископу при первомъ представленіи. Это вынудило Германа написать непокорному духовенству письмо съ повелѣніемъ отдать должную „куницу“ довѣренному отъ него лицу. По тону письма, въ которомъ духовенство увѣщавалось не быть „противнымъ“ своему пастырю подъ угрозою наказанія въ случаѣ сопротивленія („огурства и непослушенства“), можно заключить, что во Мстиславлѣ были довольно сильныя волненія по поводу уніи. До Германа доходили слухи объ этомъ, и онъ самъ не рѣшался ѣхать въ этотъ городъ,

особенно послѣ того, какъ былъ избитъ въ Могилевѣ мѣщанами, нежелавшими подчиниться власти уніата [1]). Скоро послѣдовавшая послѣ этого письма смерть Германа прекратила возгорѣвшееся дѣло.

При слѣдующемъ архіепископѣ Полоцкомъ Гедеонѣ Брольницкомъ и благодаря его содѣйствію, унія сдѣлала одно важное завоеваніе въ Мстиславщинѣ: она водворилась въ Пустынскомъ монастырѣ и отсюда стала постепенно распространяться по Мстиславщинѣ, такъ что этотъ монастырь сталъ центромъ уніи въ краѣ. Передача Пустынскаго монастыря въ унію совершилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ XVI в. въ немъ жилъ нѣкто Аѳанасій Васильевичъ Волчаскій, обѣщавшій сдѣлаться инокомъ. Здѣсь онъ нѣкоторое время, между прочимъ, занимался обученіемъ дѣтей. Но такъ какъ Аѳанасій своего обѣщанія—принять монашество не исполнилъ и кромѣ того оказался неспокойнымъ человѣкомъ—выгонялъ монаховъ изъ монастыря и вообще не мало вреда причинялъ послѣднему („шкодъ не мало чинилъ"), то „державца" монастыря Константинъ Матѳѣевичъ Евпатѣевичъ [2]) выгналъ Аѳанасія „прочъ зъ монастыря". Черезъ нѣсколько времени Аѳанасій является въ Пустынскій монастырь, имѣя въ рукахъ грамату Сигизмунда III отъ 1601 г., по которой этотъ монастырь передавался, по рекомендаціи митрополита Ипатія Поцѣя и Полоцкаго архіепископа Гедеона Брольницкаго, Аѳанасію съ тѣмъ, чтобы „попы и чернцы" монастыря были „въ единости съ костеломъ рымскимъ" [3]). 26 сентября 1601 года совершилась и формальная передача монастыря „зъ людми оселыми, пустошинами, лѣсы, гаи, сеножати, деревомъ бортнымъ и всякими... повинностями, кгрунты... зъ гоны бобровыми, ловы рыбными и звериными" игумену Аѳанасію Волчасскому. Съ печалію смотрѣли православные на передачу своего древняго монастыря уніатамъ и никакъ не могли примириться съ такою тяжелою утратой для своей церкви. Столкновеніе было неминуемо. И вотъ на защиту своего древняго достоянія

[1]) Матер. по исторіи Могил. Епарх. въ Могил. Епар. Вѣд. за 1890 г. № 15.

[2]) Константинъ Евпатѣевичъ имѣлъ подъ своею властію монастырь, хотя и былъ свѣтскимъ человѣкомъ. Въ то время подобныя явленія были возможны и бывали не рѣдко.

[3]) Акты Южной и Западной Россіи, т. II, № 11.

выступили тѣ лица, во власти которыхъ еще со временъ Стефана Баторія находился монастырь [1]). 10 іюля 1602 г. „державцы" монастыря Константинъ Матѳѣевичъ Евпатѣевичъ съ братомъ своимъ, слугами и многими помощниками, забывши, какъ жаловался Аѳанасій, страхъ Божій и строгость закона, наѣхали на монастырь съ палками и военнымъ оружіемъ, самаго Аѳанасія избили, бороду ему вырвали, бывшихъ при немъ брата двоюроднаго и двухъ мальчиковъ также избили, забрали въ монастырѣ документы на владѣніе имъ, все имущество „отъ мала до велика" и самаго игумена „кгвалтомъ пѣшого" едва живаго выгнали и монастырь забрали въ свое владѣніе. Въ справедливости жалобы не приходится сомнѣваться, такъ какъ она подтверждена свидѣтельскими показаніями и заявленіемъ „возного", что онъ „виделъ шматъ волосовъ з бороды его (игумена) рваные". Жалоба эта сначала разсматривалась въ мѣстномъ „гродскомъ" судѣ, который призналъ виновными Евпатѣевичей, но послѣдніе перенесли дѣло въ трибуналъ [2]). Не знаемъ, чѣмъ для нихъ оно окончилось, но монастырь остался закрѣпленнымъ за уніатами.

Ѳ. Ж.

(Окончаніе будетъ).

КОРОНОВАНІЕ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ХРИСТІАНСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ [3]).

(Историческій очеркъ).

Великое священнодѣйствіе коронованія царей, вмѣстѣ со многими другими чинопослѣдованіями, перешло изъ греческой церкви и въ нашу русскую. И наши Государи, по примѣру Византійскихъ Императоровъ, искони вѣнчаются на царство, миропомазуются, пріобщаются Тѣла и Крови Христовыхъ и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что царскую власть принимаютъ отъ Самого Установителя ея.

---

[1]) Исторія Рус. Ц. м. Макарія, т. IX, стр. 457.

[2]) Выпись изъ дѣлъ гродскаго Мстиславскаго суда жалобы игумена Аѳанасія Волчасскаго, въ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Могил. дух. Семинаріи.

[3]) Продолженіе,—см. № 12.

Свѣтъ Христіанской религіи возсіялъ на Руси при Равноапостольномъ князѣ Владимірѣ. Онъ былъ первымъ христіанскимъ княземъ въ нашемъ отечествѣ; онъ же былъ и первымъ вѣнценосцемъ [1]), помазаннымъ и вѣнчаннымъ на княженіе по чинопослѣдованію греческой церкви. О совершеніи коронованія Владиміра святаго мы узнаемъ изъ грамоты Константинопольскаго патріарха Іоасафа, присланной въ 1561 году царю Іоанну Васильевичу Грозному. Въ грамотѣ этой говорится: „*Владиміръ, супругъ царевны Анны, сестры Богрянородного Мономаха, вѣнчанъ митрополитами Ефесскимъ и Антіохійскимъ, посланными изъ Царь-града съ дарованными регаліями* [2]). Упомянутая грамота составлена, во 1-хъ, по желанію Іоанна IV имѣть санкцію на свое коронованіе отъ церкви греческой, во 2-хъ, составлена и подписана въ засѣданіи 36-ти митрополитовъ и епископовъ и подъ предсѣдательствомъ патріарха и, наконецъ, составлена согласно съ показаніемъ одного греческаго лѣтописца. Слѣдовательно, показанія грамоты патріарха Іоасафа должны заслуживать полнаго довѣрія. Эти замѣчанія нужны потому, что въ истинности показаній грамоты можно усумниться при чтеніи древнѣйшихъ чинопослѣдованій коронованія русскихъ царей. Тамъ и совершающій священнодѣйствіе, и потомъ самъ царь обыкновенно говорятъ: „*отъ великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, иже превысочайшую честь, царскій вѣнецъ и діадему отъ греческаго царя Константина Мономаха воспріимъ, сего ради и Мономахъ наречеся,—вси великіе Государи Россійскіе царствія вѣнцемъ вѣнчахуся*“. Можетъ, отсюда, представиться, что первымъ вѣнценосцемъ на Руси былъ Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, а не Владиміръ святой, и что показанія грамоты, такимъ образомъ, не заслуживаютъ довѣрія; тѣмъ болѣе, что въ грамотѣ патріарха Іоасафа есть историческая невѣрность, именно: братъ царевны Анны, Константинъ Богрянородный, названъ Мономахомъ, каковымъ именемъ онъ никогда не назывался. Но въ истинности показаній грамоты о коронованіи Владиміра святаго сомнѣваться нельзя. Неточ-

[1]) На основаніи того, что у древнихъ Скандинавовъ было въ обычаѣ возлагать при многочисленномъ собраніи народа на новаго конунга (короля) золотой вѣнецъ, можно предполагать, что вѣнценосцами были и самые первые русскіе князья—Рюрикъ съ братьями, Олегъ, Игорь и Святославъ, отецъ св. Владиміра. Катаевъ, стр. 69.

[2]) Катаевъ, стр. 70—71.

ность и ошибочность скорѣе заключаются въ показаніи чинопослѣдованій древнихъ коронованій, потому что ничего неизвѣстно, чтобы высказываемая тамъ мысль о первой коронаціи при Владимірѣ Мономахѣ была результатомъ обсужденія многихъ лицъ или показаній лѣтописцевъ. Кромѣ того, историческая невѣрность есть не только въ грамотѣ, но и въ словахъ чинопослѣдованій. Въ грамотѣ братъ царевны Анны ошибочно названъ Мономахомъ, а въ выдержкѣ изъ чинопослѣдованій исторически не вѣрно то, что регаліи были присланы Владиміру Всеволодовичу непосредственно отъ Императора Константина Мономаха. Послѣдній умеръ въ 1054 году, а Владиміръ Всеволодовичъ сталъ великимъ княземъ въ 1113 году. Такимъ образомъ, нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ томъ, что первая коронація русскихъ Государей совершилась при св. Владимірѣ.

Послѣ Владиміра святаго исторія упоминаетъ о коронаціи только Владиміра Мономаха, княжившаго въ Кіевѣ между 1113—1125 годами, о коронаціи же предшествовавшихъ ему великихъ князей въ лѣтописяхъ ничего не говорится. Неизвѣстно, чѣмъ объясняется это умолчаніе: забвеніемъ ли лѣтописцевъ, или тѣмъ, что слѣдовавшіе за св. Владиміромъ великіе князья совсѣмъ не короновались. Послѣднее предположеніе, кажется, вѣроятнѣе, потому что лѣтописцы упоминаютъ, обыкновенно, о всякихъ, гораздо менѣе важныхъ, чѣмъ коронованіе, обстоятельствахъ изъ жизни великихъ князей. По всей вѣроятности, удѣльные безпорядки и междоусобныя войны, начавшіеся сейчасъ же по смерти Владиміра святаго, настолько поглощали вниманіе великихъ князей, что на коронованіе не представлялось ни удобства, ни времени Какъ бы то ни было, только несомнѣнно то, что слѣдующимъ за Владиміромъ святымъ вѣнценосцемъ былъ Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, вѣнчанный на царство въ Кіевѣ. Но о вѣнчаніи на царство этого князя исторія говоритъ кратко. У Карамзина, дѣло представляется такимъ образомъ: греческій Императоръ Алексѣй Комненъ прислалъ въ Кіевъ съ Ефесскимъ митрополитомъ Неофитомъ слѣдующіе дары: крестъ изъ Животворящаго древа, сердоликовую чашу Августа кесаря, вѣнецъ царскій, золотую цѣпь и бармы Константина Мономаха. Митрополитъ Неофитъ вручилъ эти дары великому князю и вѣнчалъ его въ Кіевскомъ соборномъ храмѣ, провозгласивъ его *царемъ Рос-*

сійскимъ [1]). Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, на барельефахъ трона, именуемаго Мономаховымъ, есть прекрасная иллюстрація къ этому повѣствованію о короновaніи Владиміра. На одномъ изъ этихъ барельефовъ изображенъ великій князь стоящимъ вмѣстѣ съ митрополитомъ на возвышеніи. Послѣдній, опираясь на свой святительскій жезлъ, возлагаетъ на главу князя корону. На другомъ барельефѣ мы видимъ изображеніе князя, сидящаго на престолѣ и принимающаго дары греческаго императора [2]). Регаліи, возложенныя на Владиміра, шапка, цѣпь, держава и бармы (драгоцѣнное оплечье съ изображеніемъ ликовъ Спасителя, Божіей Матери и др.) въ настоящее время хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ. Нѣкоторые считаютъ всѣ эти регаліи подаркомъ греческаго императора Константина Мономаха. Мнѣніе это требуетъ исправленія. Можетъ быть, разсматриваемыя регаліи и принадлежали Константину Мономаху, но присланы послѣднимъ Владиміру Всеволодовичу быть не могли по той простой причинѣ, что Константинъ умеръ въ 1054 году, т. е. больше, чѣмъ за полвѣка до вступленія на великокняжескій престолъ Владиміра (въ 1113 году). Современникомъ Владиміра былъ императоръ Алексѣй Комненъ, который и прислалъ Константиновы регаліи Владиміру, ставшему называться съ этого времени Мономахомъ. Историки Карамзинъ, Соловьевъ и др. съ увѣренностью приписываютъ посольство регалій именно Алексѣю Комнену [3]). У Карамзина, кромѣ того, приводится и самая грамота Алексѣя Комнена Владиміру Всеволодовичу. Въ грамотѣ этой мы читаемъ: *„Алексій Комнинъ, милостію Божіей православный Царь Греческій, Великому въ державныхъ Князехъ Россійскихъ Владиміру, радоватися... Се посылаю ти вѣнецъ Царскій еще Константина Мономаха, отца матери твоея, и скиптръ, и діадиму, и крестъ съ Животворящимъ древомъ златый, гривну и прочая Царская знаменія, и дары, ими же да вѣнчаютъ благородство твое посланныи отъ Мене Святители, яко да будеши отселѣ Боговѣнчанный Царь Россійскія земли“* [4]).

[1]) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Изданіе въ трехъ книгахъ, т. II. гл. VII, стр. 90. См. также Исторію Россіи С. Соловьева, М. 1862 г., т. II, стр. 84, снес. съ прим. 170.

[2]) Катаевъ, стр. 74—75.

[3]) Исторія Россіи. Соловьева, т. II, стр. 84.

[4]) Исторія Государства Рос., т. II, гл. VII, стр. 90 и прим. 220, стр. 91

Послѣ Владиміра Мономаха, коронованіе русскихъ князей опять перерывается на нѣкоторое время, именно до коронованія Димитрія Іоанновича, внука Іоанна III. На этотъ перерывъ указываетъ предсмертное завѣщаніе Владиміра Мономаха. Созвавъ къ себѣ передъ смертію высшее духовенство, бояръ, купцовъ, Владиміръ сказалъ имъ: *„да не вѣнчаютъ никого на царство, по моей смерти. Отечество наше раздѣлено на многія области, если будетъ царь, то удѣльные князья отъ зависти начнутъ воевать съ нимъ и государство погибнетъ“*. Царскую утварь Владиміръ завѣщалъ шестому своему сыну Георгію, заповѣдавъ хранить ее, какъ душу или зѣницу ока, и передавать изъ рода въ родъ, пока Богъ не воздвигнетъ царя, истиннаго самодержца, въ государствѣ Великороссійскомъ. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ надъ императорскимъ мѣстомъ имѣется надпись съ такимъ точно содержаніемъ [1]). И въ лѣтописяхъ, дѣйствительно, ничего не говорится о коронованіи послѣдующихъ великихъ князей до 1498 года, когда былъ вѣнчанъ Димитрій Іоанновичъ, внукъ Іоанна III. До этого времени народъ, по выраженію лѣтописцевъ, лишь *„садилъ князей на столъ и водилъ ко кресту“*.

Съ Димитрія Іоанновича коронованіе русскихъ государей на царство было опять возстановлено. Обряды коронованія, употреблявшіеся съ того времени въ нашемъ отечествѣ, по ихъ особенностямъ, могутъ быть подраздѣлены на три категоріи. Первую составляютъ два чина: вѣнчаніе на царство Димитрія Іоанновича и Іоанна IV Грознаго. Вторую категорію—чины коронаціи съ Ѳеодора Іоанновича и до коронаціи Іоанна и Петра Алексѣевичей. Въ третьей категоріи будутъ всѣ остальные чины—отъ Екатерины 1-й и до настоящихъ дней.

I. Вѣнчаніе на царство Димитрія Іоанновича происходило 4-го февраля 1498 г. [2]). Въ этотъ день великій князь Іоаннъ III, въ сопровожденіи сановниковъ, бояръ и всего двора, ввелъ своего внука Димитрія въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы.

---

[1]) Истор. Госуд. Россійскаго. Прим. къ т. II, гл. VII. Прим. 220, стр. 91.

[2]) Карамзинъ (Ист. Гос. Рос. т. VI, гл. VI, стр. 172), Георгіевскій (Русск. Обозр. 1895. Ноябрь, стр. 332), Катаевъ (стр 77) и др. днемъ коронаціи считаютъ 4-го февраля. Авторъ же коронованія государей (Ист. Вѣстн. 1883 г. т. 12, стр. 261) полагаетъ, что коронація была 3-го февраля.

Тамъ ожидали ихъ: митрополитъ Симонъ, Ростовскій архіепископъ Тихонъ; епископы: Суздальскій Нифонтъ, Тверской Вассіанъ, Рязанскій Протасій, Коломенскій Авраамій и Сарскій Евѳимій; архимандриты и игумены. Лишь только процессія вступила въ соборъ, начался молебенъ Богоматери и Петру Чудотворцу. Среди собора былъ устроенъ помостъ съ тремя тронами, одинъ для великаго князя, другой — для царевича, а третій—для митрополита. Подлѣ стоялъ налой, на которомъ лежали: шапка и бармы Мономаховы. По окончаніи молебствія, Іоаннъ и митрополитъ сѣли, а Димитрій сталъ предъ ними на верхней ступени амвона. Іоаннъ поднялся съ своего трона и обратился къ святителю съ слѣдующими словами: *„Отче митрополитъ! Издревле государи, предки наши, давали великое княжество первымъ сынамъ своимъ; я также благословилъ онымъ моего первороднаго Іоанна. Но по волѣ Божіей его не стало; благословляю нынѣ внука Димитрія, его сына, при себѣ и послѣ себя Великимъ княжествомъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ. И ты, отче, дай ему благословеніе“*. Митрополитъ всталъ, благословилъ Димитрія крестомъ и, положивъ на его голову руку, во всеуслышаніе прочиталъ ту молитву, которая читалась предъ миропомазаніемъ греческихъ императоровъ. Два архимандрита поднесли бармы. Митрополитъ, благословивъ ихъ, передалъ Іоанну, а тотъ возложилъ ихъ на внука. Тѣмъ временемъ митрополитъ тихо читалъ другую молитву: *„Господи Вседержителю и Царю вѣковъ“*, каковая читалась также при греческихъ коронаціяхъ. Архимандриты поднесли затѣмъ вѣнецъ Мономаховъ и передали его митрополиту. Іоаннъ взялъ вѣнецъ изъ рукъ митрополита и, при словахъ послѣдняго: *„во имя Отца и Сына и Святаго Духа“*, возложилъ его на главу Димитрія. Послѣ эктеніи, слѣдовавшей за этимъ, и молитвы Богоматери: *„О, Пресвятая Госпоже“*, великій князь и митрополитъ снова сѣли на свои мѣста, а архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе обоимъ Государямъ. Торжественное „многая лѣта“, начинаясь въ устахъ священниковъ и діаконовъ, разносилось по всему храму. Въ заключеніе нововѣнчанный государь выслушалъ отъ своего дѣда такое наставленіе: *„внукъ Димитрія! Я пожаловалъ и благословилъ тебя великимъ княжествомъ, а ты имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду, милость, пекись о всемъ христіанствѣ“*. Послѣ литургіи Іоаннъ возвратился во дворецъ, а Димитрій

въ вѣнцѣ и бармахъ ходилъ въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы поклониться мощамъ и гробамъ своихъ предковъ. Въ дверяхъ соборовъ дядя юнаго вѣнценосца, Юрій Іоанновичъ, потрижды осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами. Вечеромъ у государя былъ великолѣпный пиръ для всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Во время пиршества государь подарилъ Димитрію крестъ съ золотою цѣпью, поясъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, и сердоликовую крабію кесаря Августа [1]).

Послѣ Димитрія Іоанновича былъ торжественно коронованъ на царство Іоаннъ Грозный. Это событіе относится къ 16-му января 1547 г. Особенности коронованія Іоанна Грознаго, сравнительно съ коронаціей Димитрія, состояли въ слѣдующемъ. Кромѣ вѣнца и бармъ на Іоанна былъ возложенъ еще крестъ Животворящаго древа. Регаліи возлагалъ не самъ Іоаннъ, а митрополитъ Макарій. Рѣчей ни со стороны государя, ни со стороны митрополита не было. Вмѣстѣ съ миропомазаніемъ одновременно было и пріобщеніе государя Св. Тайнами не внутри, а внѣ алтаря. Въ церковныхъ дверяхъ, по окончаніи коронаціи, князь Юрій Васильевичъ изъ блюда осыпалъ Іоанна одними золотыми деньгами. Наконецъ, по выходѣ изъ собора, народъ съ шумомъ бросился на царское мѣсто и ободралъ всю обивку, желая имѣть на память о великомъ событіи хотя лоскутокъ той паволоки, которой былъ обитъ тронъ [2]).

II. Въ 1561 году Константинопольскій патріархъ Іоасафъ прислалъ въ Москву за подписью своей и 36-ти греческихъ митрополитовъ и епископовъ грамоту, въ которой утверждалъ Іоанна Грознаго *„въ санъ царя законнаго и благочестивѣйшаго, правильно и церковно вѣнчаннаго“*. Вмѣстѣ съ этой грамотой патріархъ, по свидѣтельству Курбскаго, прислалъ царю и книгу „Царскаго величества“, т. е. чинъ царскаго коронованія. Присылкою этой книги

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго т. VI, гл. VI, стр. 172—173. У Георгіевскаго и Катаева рѣчи Іоанна и митрополита нѣсколько подробнѣе. Русск. Обозр. 1895 г. Ноябрь, стр. 336—339. Катаевъ, стр. 77—79.

[2]) Объ особенностяхъ коронаціи Іоанна Грознаго, см. Ист. Гос. Рос. т. VIII, гл. II, стр. 56—57; Русск. Обозр. 1895 г. Ноябрь. Ст. Георгіевскаго—Коронованіе русскихъ государей, стр. 340. Жмакинъ—Коронованіе русскихъ императоровъ и императрицъ. Русская старина. 1883 года т. 37, стр. 499. Катаевъ. стр. 79—80. Истор. Вѣстникъ 1883, т. 12. Коронованіе государей, стр. 264.

объясняются измѣненія и дополненія послѣдующихъ коронацій [1]).

31-го мая 1584 года совершилось вѣнчаніе на царство Өеодора Іоанновича по новому чинопослѣдованію [2]). Начавшаяся ночью непогода обѣщала испортить все коронаціонное торжество. Утромъ поднялась буря съ грозой и проливнымъ дождемъ, который затопилъ водой многія Московскія улицы. Народное суевѣріе предсказывало всякія бѣдствія. Но ко времени совершенія коронаціи небо прояснилось, вѣтеръ и свинцовыя тучи смѣнились яркими лучами солнца и прекрасной погодой. На кремлевскихъ площадяхъ собралось такъ много народу, что воины съ большимъ трудомъ могли расчистить путь для царскаго духовника и Бориса Годунова, которые шли съ царскими регаліями въ Успенскій соборъ. Регаліи переносились въ соборъ изъ грановитой или золотой палаты, куда онѣ заблаговременно были перенесены съ казеннаго двора [3]). Миронолитъ Діонисій со всѣми священнослужителями встрѣтилъ регаліи въ соборѣ и положилъ ихъ на двухъ налояхъ. Соборъ для предстоявшаго торжества былъ „*вельми украшенъ*". Өеодоръ Іоанновичъ вышелъ изъ палатъ въ сопровожденіи бояръ, князей, воеводъ и многихъ другихъ лицъ. Одежда царя поражала всѣхъ своей пышностью.

При входѣ въ соборъ, царь былъ встрѣченъ митрополитомъ и всѣми священнослужителями, и тотчасъ началось молебное пѣніе. Во время этого пѣнія предстоявшему народу тихо внушалось, чтобы „*всѣ стояли со страхомъ и трепетомъ, молились Господу Богу, Пречистой Богородицѣ и всѣмъ Святымъ за государя, да совершитъ его Господъ царскимъ вѣнцомъ и устроитъ царство его мирно и вѣчно, въ роды родовъ на вѣки*". Послѣ молебна царь и митрополитъ сѣли на приготовленныя имъ кресла, а затѣмъ, при всеобщей тишинѣ, царь, обратившись къ митрополиту, сказалъ: *Владыко! родитель нашъ, Самодержецъ Іоаннъ Васильевичъ, оставилъ земное царство и, пріявъ ангельскій образъ, отошелъ въ царство небесное,*

---

[1]) Карамзинъ. Истор. Гос. Рос. т. VIII, гл. III, стр. 58. Русск. Обозр. 1895 г. Ноябрь. стр. 340—341. Истор. Вѣстн. 1883 г. т. XII, стр. 264.

[2]) О коронаціи Өеодора Іоанновича см. у Карамзина, т. X. гл. I, стр. 10—13; у Соловьева въ Ист. Россіи, СПБ. 1861 г., т. VII, стр. 267; Ист. Вѣстн. 1883 г., т. XII, стр. 265. Въ Русск. Обозр., за ноябрь 1895 г., стр. 341, днемъ коронаціи Өеодора Іоанновича считается 30-е іюня 1584 года.

[3]) Катаевъ, стр. 80.

а меня благословилъ державою и всѣми хоругвями государства, велѣлъ мнѣ согласно съ древнимъ уставомъ помазаться и вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, діадимою и святыми бармами; завѣщаніе его извѣстно духовенству, боярамъ и народу. Итакъ, по волѣ Божіей и благословенію отца моего, соверши обрядъ священный, да буду царь и помазанникъ". Митрополитъ, вставъ и осѣнивъ царя крестомъ, отвѣчалъ: *"Господинъ, возлюбленный сынъ церкви и нашего смиренія, Богомъ избранный и Богомъ на престолъ возведенный! данною намъ благодатію отъ Духа Святаго помазуемъ и вѣнчаемъ тебя, да именуешься самодержцемъ Россіи*". Возложивъ на царя Животворящій крестъ Мономаховъ, бармы и вѣнецъ, съ призываніемъ на царствованіе его благословенія Божія, Діонисій взялъ, затѣмъ, Өеодора за правую руку и поставилъ на особомъ *"царскомъ мѣстѣ*". Послѣ этого врученъ былъ царю скипетръ [1]), причемъ митрополитъ произнесъ слѣдующія слова: *О, Боговѣнчанный царь и великій князь Өеодоръ Іоанновичъ, всея Руссіи самодержецъ! прими отъ Бога данное ти скипетро правити хоругви великаго царства Россійскаго, и блюди и храни его, елика твоя сила* [2]). Въ слѣдъ за этимъ царь и митрополитъ обмѣнялись взаимными поклонами, а всѣ священнослужители пѣли многолѣтіе нововѣнчанному государю и вмѣстѣ съ сановниками и вельможами приносили поздравленія. По окончаніи поздравленій, митрополитъ говорилъ рѣчь, въ которой увѣщевалъ царя имѣть вѣру къ святымъ церквамъ, уваженіе къ боярамъ, милость къ чиновникамъ, войску и всѣмъ людямъ, быть доступнымъ, милостивымъ и привѣтливымъ; стоять за обидимыхъ, языка льстиваго и слуха суетнаго не принимать, быть мудрымъ; раздавать саны безвозмездно и т. д. Въ заключеніе митрополитъ сказалъ: *да цвѣтетъ въ дни твои правда, да успокоится отечество... И возвыситъ Господь царскую десницу твою надъ всѣми врагами, и будетъ царство твое мирно и вѣчно въ родъ и родъ* [3]). Умиленный до слезъ народъ восклицалъ: *"будетъ и будетъ многолѣтно*".

Въ полномъ царскомъ одѣяніи, которое, по словамъ иностранца

[1]) Этотъ скипетръ былъ 3½ футовъ длиною и осыпанъ драгоцѣнными камнями. Его пріобрѣлъ въ 1581 г. Іоаннъ Грозный у Аугсбургскихъ купцовъ за 7 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Карамзинъ. Прим. 17-е къ X т. гл. I.

[2]) Русское Обозрѣніе 1895 г. Ноябрь, стр. 341.

[3]) Соловьевъ, т. VII, стр. 267. Карамзинъ, т. X. гл. I, стр. 11—12.

Горсея, имѣло столько золота и драгоцѣнныхъ камней на себѣ, что вѣсило не меньше 200 фунтовъ [1]), царь слушалъ начавшуюся затѣмъ литургію. Послѣ херувимской пѣсни митрополитъ возложилъ на Θеодора Мономахову цѣпь „*аравійскаго золота*". Предъ причастіемъ двое архимандритовъ, посланныхъ Діонисіемъ, приблизились къ царю, поклонились ему ниже пояса и отошли въ сторону, а государь отправился къ царскимъ дверямъ. Здѣсь митрополитъ помазалъ его св. миромъ на челѣ, очахъ, ушахъ, груди, на плечахъ и на рукахъ съ обѣихъ сторонъ. Миропомазанныя части отирались „*вамбахомъ*" или губкой, „*да никако что отъ сего на землю падетъ*", которую потомъ сожгли въ алтарѣ. Послѣ миропомазанія митрополитъ пріобщилъ царя Св. Таинъ. Послѣ литургіи Θеодоръ, осыпанный въ южныхъ дверяхъ собора деньгами, отправился въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы поклониться гробамъ предковъ.

По возвращеніи въ царскія палаты, въ тронной залѣ вельможи и чиновники цѣловали государеву руку. Въ столовой же залѣ былъ устроенъ „*пиръ честенъ и великъ*", на который были приглашены духовныя лица и важнѣйшія изъ свѣтскихъ. Для народа, кромѣ угощенія, были устроены разныя забавы, продолжавшіяся цѣлую недѣлю. Коронаціонныя торжества закончились подарками митрополиту, епископамъ и боярамъ. Для народа были уменьшены подати и налоги, а долгое время находившіеся въ тюрьмѣ получили свободу.

Въ день новаго года (1-го сентября 1598 г.) совершено было короновaніе Бориса Годунова—по тому же чину, какимъ коронованъ былъ Θеодоръ Іоанновичъ. Особенности этой коронаціи состояли въ слѣдующемъ. Священнодѣйствіе совершалъ патріархъ (Іовъ), а не митрополитъ, какъ было прежде. Количество регалій увеличилось „*яблокомъ*" или державой, которая вручена была царю съ слѣдующими словами: „*Сіе яблоко—знаменіе твоего царствія. Яко убо сіе яблоко пріимъ въ руцѣ свои держиши, тако держи и вся царствія, данныя тебѣ отъ Бога, соблюдая ихъ отъ враговъ непоколебимо*" [2]). Въ срединѣ литургіи растроганный Борисъ воскли-

[1]) Карамзинъ. 17-е прим. къ т. X, гл. 1, Истор. Вѣст. 1883 г. т. XII стр. 266.

[2]) Русск. Обозр. 1895 г. Ноябрь, стр. 341. Карамзинъ тоже говоритъ о

кнулъ: *„Отче, великій патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго“*, и, тряся воротомъ своей рубашки, добавилъ: *„отдамъ и сію послѣднюю народу,* а затѣмъ произнесъ и такое обѣщаніе, что будетъ щадить жизнь и кровь даже преступниковъ, наказывая ихъ только ссылкою въ пустыни сибирскія. Послѣ миропомазанія и причащенія Св. Таинъ, патріархъ возложилъ на царя вѣнецъ съ возглашеніемъ ἄξιος. По окончаніи коронаціи, царь въ коронѣ со скипетромъ и державой дѣлалъ пріемъ въ царской палатѣ. Бояре и сановники получили богатые подарки, а народъ угощался царскими пирами въ теченіе 12 дней [1]).

Съ 13-го апрѣля по 10-е іюня 1605 г. царемъ на Руси былъ сынъ Годунова—Ѳеодоръ Борисовичъ, который не былъ вѣнчанъ на царство. О коронаціи Лжедимитрія извѣстно только то, что она происходила или 21-го, или 30-го іюня 1605 г. [2]) и что ее совершилъ лжепатріархъ Игнатій.

Въ четвергъ 8-го мая 1606 г. совершилась безпримѣрная дотолѣ коронація женщины, невѣсты Лжедимитрія, Марины Мнишекъ. Марина, одѣтая въ русское краснаго бархата платье съ широкими рукавами, украшенное алмазами, яхонтами и жемчугомъ, съ діадемой на головѣ, вышла въ сопровожденіи своего жениха въ грановитую палату, гдѣ собрались знатнѣйшіе бояре, польскіе вельможи и послы Сигизмунда. Въ палатѣ были приготовлены два богато украшенныя кресла. Князь Василій Шуйскій обратился къ Маринѣ съ такими словами: *„Наияснѣйшая государыня, царевна Марія Юрьевна! волей Божіей и непобѣдимаго самодержца, цесаря и великаго князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою; вступи же на свой цесарскій маестатъ и властвуй вмѣстѣ съ государемъ надъ нами“*. Марина сѣла, а предъ ней держали шапку

державѣ, Ист. Гос. Рос. т. XI, гл. I. стр. 15. Въ Ист Вѣст., 1883 г. т. XII, стр. 268, говорится. что держава впервые вручена была Маринѣ Мнишекъ, певѣстѣ Лжедимитрія. Катаевъ относитъ появленіе этой регаліи—къ коронаціи Василія Шуйскаго. Катаевъ, стр. 85.

[1]) О коронаціи Годунова см. у Карамзина. И. Г. Р. т. XI, гл. I, стр. 14—15. у Соловьева. И. Р., М. 1858 г., т. VIII, стр. 16—17. въ Ист. Вѣстн. 1883 г. т. XII, стр. 268, въ Русск. Обозр. 1895 г. Ноябрь, стр. 341.

[2]) По Карамзину, т. XI, г. IV, стр. 128, 21-го, а по Соловьеву, т. VIII, стр. 118, 30 го іюля 1605 г.

Мономахову. Послѣ этого царскій духовникъ понесъ регаліи въ Успенскій соборъ, куда слѣдомъ направились и Лжедимитрій и его невѣста. Ихъ сопровождали бояре и польскіе вельможи. По сторонамъ стояла вооруженная стража. Въ соборѣ на *„чертожномъ мѣстѣ“* были приготовлены два трона: золотой для Лжедимитрія и серебряный для Марины, на которые тотъ и другая и возсѣли. Послѣ взаимныхъ краткихъ рѣчей Лжедимитрія и лжепатріарха, послѣдній возложилъ на Марину крестъ, бармы и корону. Послѣ херувимской пѣсни возложена была Мономахова цѣпь „аравійскаго золота“, а въ концѣ литургіи Марина была миропомазана и пріобщена Св. Таинъ. Послѣ литургіи, когда народъ былъ удаленъ изъ собора, совершено было браковѣнчаніе Лжедимитрія и Марины [1])

19-го мая 1606 года вступилъ на престолъ главный виновникъ сверженія Лжедимитрія, князь Василій Шуйскій. 1-го іюня того же года была его коронація. Ее по прежнему чинопослѣдованію совершилъ митрополитъ Новгородскій Исидоръ [2]). По богатству и торжественности, эта коронація далеко уступала всѣмъ предшествующимъ [3]).

(Продолженіе будетъ).

О ЗАПРЕЩЕНІИ СВЯЩЕННОСЛУЖЕНІЯ ВДОВЫМЪ СВЯЩЕННИКАМЪ И ДІАКОНАМЪ ВЪ ДРЕВНЕЕ ВРЕМЯ НА РУСИ [4]).

(Историческая справка).

Жизнь русскаго духовенства древняго времени представляетъ мало свѣтлыхъ сторонъ: въ особенности это должно сказать относительно низшихъ духовныхъ лицъ. Будучи съ самыхъ раннихъ поръ поставлено въ весьма неблагопріятныя для него жизненныя

---

[1]) О коронаціи Марины см. у Карамзина, т. XI, гл. IV. стр. 157—159.

[2]) Въ чинѣ имя митрополита не упомянуто, но его приводитъ Карамзинъ со словъ одной рукописи, см. 10-е прим. къ XII, гл. I, И. Г. Р.

[3]) См. Карамзина, XII, гл. I стр. 5. Соловьева, т. VIII, стр. 165. Ист. Вѣстн. 1883, т. XII, стр. 268.

[4]) Екатер. Еп. Вѣд. 1894 г. № 9—10. Прошедшимъ лѣтомъ, замѣчаетъ авторъ этой исторической справки, во время одной изъ прогулокъ (1893 г. іюля 28 дня) по берегамъ Верхъ-Нейвинскаго пруда, намъ случайно пришлось встрѣ-

условія, низшее духовенство долгое время не въ состояніи было подняться на ту высоту, которая болѣе всего достойна и свойственна пастырямъ христіанской Церкви. „Бѣдность, зависимость отъ приходовъ, униженіе и исключительно обрядовая постановка въ обществѣ, при чемъ со стороны духовнаго лица требовалось только исполненіе требъ и обрядовъ церковныхъ“, недостатокъ не только спеціальной подготовки къ пастырскому служенію, но даже и общаго образованія, низводили духовенство на одинаковую ступень съ народными массами и оказывали на него сильное деморализующее вліяніе. Мало чѣмъ отличаясь отъ народа какъ въ умственномъ, такъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніяхъ, духовенство было заражено тѣми же пороками, какими страдалъ и простой народъ. Какъ среди послѣдняго, такъ и среди перваго религіозное невѣжество и грубыя суевѣрія царили во всей своей силѣ и шли рука объ руку съ пьянствомъ, ссорами, драками, неблагочиннымъ поведеніемъ въ храмахъ Божіихъ и тому подобными пороками. Но особенно большой соблазнъ производили въ народѣ нѣкоторые изъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, предававшіеся распутству и даже открыто жившіе съ наложницами, или вступившіе во второй бракъ послѣ смерти своихъ женъ и продолжавшіе и послѣ того

титься съ крестьяниномъ Верхъ-Нейвинскаго завода, Екатеринб. уѣзда, К. К. Щ. Изъ разговора съ нимъ мы узнали, что по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ онъ—старообрядецъ и принадлежитъ къ безпоповщинскому поморскому согласію. Само собою понятно, что послѣднее обстоятельство давало намъ прекрасный поводъ, которымъ мы и воспользовались, предложить Щ. нѣсколько вопросовъ относительно того, почему онъ не ищетъ спасенія въ лонѣ Церкви Христовой на правахъ православнаго или единовѣрца. К. Щ. отвѣтилъ, что онъ не прочь бы присоединиться къ Православной Церкви, но „только у васъ въ православіи со времени патріарха Никона введено больно уже много новшествъ: троеперстіе, четырехконечный крестъ, трегубое аллилуіа“ и т. д. и вдобавокъ ко всему этому дозволяется „служить вдовымъ попамъ, что запрещено правилами святаго Петра, Митрополита Московскаго“. Присутствуя на многихъ и притомъ самыхъ разнообразныхъ по своему содержанію собесѣдованіяхъ съ мнимыми старообрядцами, намъ еще ни разу не приходилось слышать, чтобы раскольники упрекали Православную Церковь за то, что она дозволяетъ вдовымъ священнослужителямъ священнодѣйствовать. Заинтересованные новизною послѣдняго нареканія мнимыхъ старообрядцевъ на Православную Церковь—съ одной стороны, а съ другой—предполагая, что съ этимъ безосновательнымъ навѣтомъ на нее отъ раскольниковъ придется, можетъ быть, имѣть дѣло кому-либо изъ читателей Епархіальныхъ Вѣдомостей, мы находимъ не лишнимъ и не безполезнымъ подѣлиться съ ними тѣми свѣдѣніями, какими располагаемъ по данному вопросу.

священнодѣйствовать [1]). Такъ какъ духовныя лица этой категоріи оказывали сильное развращающее вліяніе на темныя массы простаго люда и унижали въ его глазахъ высоту священнаго сана, то на жизнь и поведеніе всѣхъ вообще вдовыхъ священнослужителей очень рано было обращено самое строгое вниманіе духовною властью, которою и были предпринимаемы къ искорененію господствовавшаго въ ихъ средѣ зла разнообразныя мѣры.

Еще св. Петръ, митрополитъ Московскій (1308—1326 г.), возмущаясь нечистотою жизни вдовыхъ священнослужителей, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы вдовые священники шли въ монастыри и, постригшись въ монашество, тамъ священнодѣйствовали; если же они хотятъ въ мірѣ „пребывати и любити мірскія сласти, да не служатъ“ [2]). Впослѣдствіи распоряженіе св. м. Петра было повторено Московскимъ митрополитомъ Фотіемъ (1409—1430 г.). Въ своемъ посланіи въ Псковъ, гдѣ зазорное поведеніе клира сильно озлобляло и вооружало противъ Церкви еретиковъ—стригольниковъ, онъ предписывалъ непремѣнно запретить всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ священнослуженіе, разрѣшая его только тѣмъ изъ нихъ, которые „въ монастыри отходятъ, во иноческая одѣянія острищи себе отъ настоятеля духовнаго игумена; и о своихъ согрѣшеніяхъ и о своемъ концѣ и о своемъ отвѣтѣ рыдающе и обновивъ себе о всемъ чистымъ покаяніемъ къ своему духовному отцу, и по достоинству аще суть достойни, и тогда да священствуютъ таковіи въ монастырехъ, а не въ мірскихъ“ [3]). Но съ особенною заботливостію и ревностію за дѣло исправленія нравовъ клира взялся святитель Өеодосій. Будучи еще Ростовскимъ архіепископомъ, онъ писалъ пастырское посланіе къ Бѣлоозерскому духовенству, обличая его въ невниманіи и небрежіи къ своему духовному званію; созывалъ священниковъ на епархіальные соборы, на которыхъ испытывалъ ихъ знанія и поведеніе и убѣждалъ къ достойному прохожденію своего служенія. Затѣмъ, сдѣлавшись Московскимъ митрополитомъ (1461 г.), онъ каждую недѣлю призывалъ къ себѣ священниковъ своей епархіи, лично давалъ имъ наставленія о благоповеденіи и рукополагалъ во священники только послѣ предвари-

[1]) Прав. Соб. 1863 г., ч. 3, стр. 121.
[2]) „Стоглавъ“, изд. ред. Пр. Соб. 1862 г., стр. 346.
[3]) Тамъ же, стр. 348.

тельнаго тщательнаго испытанія ищущихъ священнаго сана. Что же касается вдоваго духовенства, то по отношенію къ нему онъ намѣревался во всей своей митрополіи приложить правило митрополита Фотія: всѣхъ вообще вдовыхъ священнослужителей отсылалъ въ монастыри, распутныхъ же и праздношатающихся лишалъ сана или подвергалъ какому-нибудь другому строгому наказанію. Но добрымъ намѣреніямъ и стремленіямъ этого святителя не суждено было осуществиться во всей ихъ полнотѣ. Его дѣятельность встрѣтила сильное противодѣйствіе со стороны подвѣдомственнаго ему духовенства и возбуждаемаго имъ народа. На м. Ѳеодосія посыпались незаслуженныя оскорбленія и даже проклятія, услышавъ о которыхъ престарѣлый святитель заболѣлъ и рѣшился навсегда оставить свою каѳедру. Послѣ удаленія съ Московской каѳедры м. Ѳеодосія (1465 г.) безчинства вдоваго духовенства опять стали замѣтно рости и умножаться. Послѣднимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и былъ вызванъ самовластный поступокъ Псковичей, которые въ 1468 году насильственнымъ образомъ удалили отъ мѣстъ вдовыхъ священниковъ за ихъ грязную жизнь, хотя не имѣли на то никакого права. Впрочемъ нужно замѣтить, что это не единичный фактъ, который свидѣтельствуетъ о крайней нравственной распущенности вдоваго духовенства за данное время. Кромѣ Пскова и Москвы, то же самое замѣтно было и въ Новгородѣ, гдѣ на борьбу со зломъ выступилъ архіепископъ Геннадій. Въ видахъ поднятія нравственнаго уровня членовъ клира архіеп. Геннадій просилъ князя завести въ Новгородѣ училища [1]) для образованія духовныхъ лицъ; священнослужителямъ неодкобрачнымъ запрещалъ совершать богослуженіе и предлагалъ бывшему въ то время Московскимъ митрополитомъ святителю Симону распространить эту мѣру по всей Московской митрополіи. Заботы арх. Геннадія не сопровождались однако желательными результатами. Нравственная распущенность вдоваго духовенства продолжала царить во всей силѣ и не только въ какихъ-либо опредѣленныхъ пунктахъ или мѣстахъ вродѣ городовъ Пскова, Новгорода и Москвы, но и во всей вообще Россіи.

Слишкомъ широкое развитіе и укорененіе среди членовъ церковнаго клира зла, которое, не смотря на всѣ мѣропріятія противъ него, продолжало рости и распространяться повсюду, самымъ на-

¹) Акт. Истор. т. 1, № 104.

глядным образом свидѣтельствовали о недостаточности тѣхъ мѣръ, какія доселѣ употреблялись для борьбы съ нимъ. Всѣ прежнія распоряженія и дѣйствія, клонившіяся къ уврачеванію нравственныхъ недуговъ вдоваго духовенства, имѣли только частное и вдобавокъ временное значеніе. Онѣ касались главнымъ образомъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ зло было особенно сильно распространено, и обусловливались именно только личною энергіей нѣкоторыхъ архипастырей, обращавшихъ заботливое вниманіе на неисправное и нечистое поведеніе вдовыхъ священнослужителей подвѣдомственныхъ имъ епархій. Такъ, напримѣръ, запрещеніе м. Фотія относилось только къ вдовому духовенству г. Пскова; заботы арх. Геннадія ограничивались однимъ Новгородскимъ духовенствомъ; мѣры м. Ѳеодосія сначала касались Ростовской архіепископіи, а потомъ Московской митрополіи и т. д. Очень естественно поэтому, что всѣ такія мѣропріятія не достигали преслѣдуемой ими цѣли во всей ея полнотѣ. Для того, чтобы уничтожить зло, нужно было принять другія, болѣе цѣлесообразныя и болѣе энергичныя мѣры, которыя бы дѣйствовали противъ него постоянно и притомъ повсюду. Къ такимъ именно мѣрамъ и даже черезчуръ уже рѣшительнымъ и радикальнымъ, дѣйствительно, и обратилась высшая духовная власть послѣдующаго времени.

Въ 1503 году составленъ былъ, подъ предсѣдательствомъ м. Симона, въ Москвѣ соборъ. Созванный главнымъ образомъ съ цѣлью устраненія различныхъ церковныхъ безпорядковъ и уврачеванія нравственныхъ недуговъ духовенства, соборъ этотъ составилъ два „Уложенія". Одно изъ нихъ (отъ 6 августа 1503 года) было обращено къ святителямъ русской Церкви, строго воспрещая имъ на будущее время дѣлать сборы какъ съ опредѣляемыхъ на священно-церковно-служительскія должности, такъ и съ мѣстъ, къ которымъ они опредѣлялись. Другое „Уложеніе" было составлено въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1503 года [1]), когда засѣданія собора, послѣ нѣкотораго перерыва, снова были возобновлены, и относилось къ низшему духовенству — бѣлому и монашествующему. Заключая въ себѣ краткое распоряженіе о томъ, чтобы монахи и монахини жили на будущее время врозь, а не вмѣстѣ, какъ это было доселѣ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, и чтобы въ женскихъ монастыряхъ службу совершали

[1]) Ист. Р. Ц. арх. Филар., ч. 3. стр. 28, прим. 27.

женатые священники, оно всю остальную часть своего содержанія посвящаетъ разрѣшенію вопроса о вдовыхъ священно-служителяхъ, каковой вопросъ былъ поднятъ и довольно обстоятельно разсмотрѣнъ на настоящемъ соборѣ. Такъ какъ „мнози попы и діаконы вдовцы", —пишется въ этомъ „Уложеніи",—„заблудиша отъ истины и, забывъ страхъ Божій, дѣлаютъ безчиніе, послѣ своихъ женъ держатъ у себя наложницъ, а вся священническая дѣйствуютъ", то отцы собора опредѣлили: а) запретить на будущее время священнослуженіе всѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, б) тѣхъ изъ нихъ, которые, лишившись женъ, имѣли наложницъ, по отобраніи у нихъ ставленныхъ грамотъ, обращать въ сословіе мірянъ, такъ чтобы они носили даже и одежду мірскую; скрывшихся же въ чужія епархіи, чтобы избѣгнуть этого опредѣленія, и тамъ священнодѣйствовавшихъ, по изобличеніи предавать гражданскому суду, в) тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, которые, по смерти своихъ женъ, ведутъ чистую и незазорную жизнь, дозволить оставаться при церквахъ въ качествѣ чтецовъ и пѣвцовъ на клиросѣ (за что имъ опредѣлено пользоваться четвертою частью доходовъ отъ лицъ, поступившихъ на ихъ мѣста) и принимать Св. Тайны въ алтарѣ священникамъ—въ епитрахили, а діаконамъ—въ стихарѣ съ ораремъ; г) тѣмъ же вдовымъ священнослужителямъ, живущимъ цѣломудренно, которые пожелаютъ постричься въ монашество, разрѣшить послѣ постриженія священнодѣйствовать, но только въ монастыряхъ, а не въ церквахъ приходскихъ [1]). Вскорѣ же послѣ Московскаго собора 1503—1504 г.г. распоряженіе о запрещеніи священнослуженія вдовымъ священникамъ и діаконамъ было сдѣлано и въ югозападной Россіи, которая по части церковнаго управленія была подчинена Кіевской митрополіи. На состоявшемся 1509 года генваря 18 дня, подъ предсѣдательствомъ Кіевскаго митрополита Іосифа, соборѣ въ Вильнѣ было опредѣлено: а) діаконъ і священникъ должны „цѣлы быти сожитію законному браку", если же нѣтъ, то таковые пусть не священствуютъ, б) священники и діаконы, живущіе внѣ законнаго брака съ наложницами или вступающіе во второй бракъ, лишаются священства и в) вдовые священнослужители могутъ священнодѣйствовать только по постриженіи въ монашество [2]).

---

[1]) Стоглавъ, стр. 364—367.

[2]) Чт. въ общ. ист. и др. росс. 1848 г., пред. къ Напис. Геогр. Скрип., стр. VII.—Прав. Соб. 1863 г., ч. 3, стр. 121.

Такимъ образомъ, послѣ 1509 г. соборною властью было строго воспрещено священнодѣйствіе всѣмъ безъ исключенія вдовымъ священникамъ и діаконамъ, не хотѣвшимъ постричься въ монашество, не полагая никакого ограниченія между достойными этой кары и недостойными, т. е. не заслуживавшими ея. Разница заключалась только въ степени наказанія для дѣйствительно виновныхъ и для тѣхъ, которые, хотя и лишились своихъ женъ, однако вели вполнѣ безукоризненный образъ жизни. Преимущество послѣднихъ передъ первыми состояло именно въ томъ, что они, оставаясь въ средѣ бѣлаго духовенства, не лишались священнаго сана, а только лишались права священнодѣйствовать. Будучи признано въ такомъ видѣ за общее правило, это соборное опредѣленіе приводилось въ исполненіе съ строгою точностію во всей Россіи, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что соборныя мѣры, принятыя по отношенію къ вдовымъ священнослужителямъ въ началѣ XVI вѣка, были слишкомъ строги. Должно было ожидать, что ихъ излишняя строгость вызоветъ сильное неудовольствіе и протестъ со стороны вдоваго духовенства. И дѣйствительно, послѣдній не замедлилъ обнаружиться. „Нищій вдовецъ, попъ Георгій Скрипица града Ростова, святители Вассіаномъ и Іасафомъ благословенный рукоположеніемъ", подалъ собору отцевъ 1504 года письменное возраженіе противъ запрещенія священнослуженія вдовымъ священникамъ и діаконамъ, каковое возраженіе въ настоящее время извѣстно подъ названіемъ: „Написаніе вдоваго попа Георгія Скрипицы" [1]). Какихъ-либо другихъ біографическихъ свѣдѣній объ этомъ защитникѣ вдоваго духовенства кромѣ тѣхъ, какія даются имъ самимъ въ вышеприведенныхъ словахъ, болѣе не имѣется. Въ добавленіе къ нимъ можно сказать развѣ еще то, что судя по тогдашнему времени, онъ былъ человѣкъ начитанный, какъ это можно видѣть и изъ его „написанія". Въ послѣднемъ на ряду съ здравыми логическими разсужденіями постоянно встрѣчаются цитаты изъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, Отцевъ Церкви, правилъ Апостольскихъ и Соборныхъ: „не отъ своего сердца,—пишетъ Георгій Скрипица,—

[1]) Это Написаніе Георгія Скрипицы напечатано въ Чт. въ Общ. Ист. и древ. росс. 1848 г., VI.

изношу словеса сія, но Евангельская, Апостольская, Пророческая и Отческая".

Обращаясь въ началѣ своего „Написанія" къ отцамъ собора съ кротостію и смиреніемъ и называя ихъ и „господами, и братьями, и христолюбцами, и земными Серафимами, и плотяными Ангелами, и небесными человѣцами", Георгій Скрипица въ дальнѣйшей своей рѣчи постепенно переходитъ къ грубому и даже дерзкому тону. Вслѣдъ за своею просьбою о томъ, чтобы они „сотворили любовь о Христѣ" и не осуждали вдовыхъ священнослужителей иначе, какъ только за тяжкіе грѣхи и „богословныя вины", онъ переходитъ къ укоризнамъ святителей за ихъ соборное опредѣленіе и старается доказать его безосновательность и незаконность. „Вы, писалъ Георгій Скрипица отцамъ собора, осудили есте всѣхъ іереевъ и діаконовъ, настоящихъ и будущихъ, смертію ихъ женъ", которая зависитъ отъ Бога, и, какъ злодѣевъ, „отлучили отъ священства, не истязавъ ихъ о грѣсѣхъ". „Не разлучивъ нечистыхъ, сквернослужительныхъ іереевъ и діаконовъ отъ праведныхъ и чистыхъ, всѣмъ велите стрищися, да вся священствуютъ, а не постригшимся запрещаете служити и въ пустыняхъ, ниже во градѣхъ". Многіе изъ нечистыхъ священниковъ и діаконовъ могутъ воспользоваться такимъ (вашимъ) распоряженіемъ и причинить Церкви гораздо больше зла, чѣмъ то, какое они причиняли доселѣ, такъ какъ „ини постригшися священства дѣля и мзды ради, не токмо іерейскій, но и черническій образъ собою охулятъ"; въ то же время многіе изъ чистыхъ іереевъ и діаконовъ, не хотящихъ постричься въ монахи, не будутъ священнодѣйствовать, находясь подъ запрещеніемъ. Между тѣмъ, „то обое кромѣ писанія святыхъ отецъ и сопротивно Богу, что праведнымъ не священствовати, а нечистому покаяніемъ священствовати. Писано бо: священнику впадшему въ блудъ, не священствовати не токмо покаяніемъ и чернечествомъ, но аще и грѣха таковый очистится и совершенныя мѣры дойдетъ чудотворенія". О чистыхъ же вдовцахъ нигдѣ не писано, чтобы запрещать имъ священнослуженіе за одно только вдовство и принуждать ихъ постригаться въ монахи. „А вы, господа, безъ испытанія осудили: который попъ жену имѣетъ—чистъ, а не имѣетъ жены—нечистъ, а чернецъ, не имѣя жены, чистъ. Которымъ духомъ вы прозрѣли чистыхъ и нечистыхъ? Чѣмъ испытали вы:

попъ святъ съ женою, или безъ жены, и чернецъ ли святъ, или бѣлецъ? Кто поэтому вашему собору не подивится, кто не посмѣется въ чужихъ земляхъ, услышавъ, что попамъ и діаконамъ по смерти ихъ женъ не служити? Вѣдь и въ иныхъ странахъ тожъ Писаніе и правила Святыхъ Отецъ", которыми предписывается отлучать отъ священства только повинныхъ грѣху. „А вы всѣхъ іереевъ Божіихъ безъ свидѣтелей осудили нечистыми быти" и такимъ опредѣленіемъ оскорбили не только вдовыхъ священниковъ, но и тѣхъ, у которыхъ есть жены, такъ какъ каждый изъ нихъ можетъ лишиться жены и не долженъ будетъ тогда священствовать. Если бы вы осудили однихъ только виновныхъ, то „и Богъ бы съ вами и кто-жъ на вы?" но вы осуждаете и неповинныхъ грѣху и за это осужденіе не виновныхъ должны будете „дати отвѣтъ Богу въ день судный". Хотя вы и говорите: „мы то сотворили, тѣхъ отлучили благочестія ради, очищая Церковь, что попы въ женъ мѣсто наложницы держатъ", однако это не оправданіе для васъ, такъ какъ то зло произошло отъ вашего же нерадѣнія и небреженія, „что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства". Вы „благословно ни сами, ни священники избранными не дозираете священникомъ, а во грады и въ села не посылаете опытовати, како кто пасетъ Церковь; назираете священниковъ по царскону чину боляры, тіунами... своихъ дѣля прибытковъ, а не по достоянію". Между тѣмъ, вамъ бы слѣдовало пасти Церковь Божію священниками богобоязненными, а не мірскимъ воинствомъ и „беззаконіе іереевъ исправляти своимъ наказаніемъ". Доказавъ, такимъ образомъ, что соборное опредѣленіе не можетъ быть ничѣмъ оправдано, Георгій Скрипица говоритъ далѣе, что, признавъ „всѣхъ вдовыхъ іереевъ нечистыми быти", отцы собора своимъ опредѣленіемъ положили одну только вражду „со священники всѣми и со Святыми Отцами седми вселенскихъ соборовъ. Чего послѣдніе не учинили, и то вы учинили своимъ произволеніемъ, а не по ихъ писанію: правыхъ безъ вины осудили есте и своею неправдою рушите законъ Христовъ... А приложити ко правиломъ Святыхъ Отецъ, или уложити отъ правилъ прокляту быти". Въ заключеніе Скрипица проситъ святителей собора сотворить любовь Божію съ чистыми іереями и діаконами и разрѣшить имъ священнодѣйствовать, а нечистыхъ и законопреступныхъ отлучить отъ священства и разослать „съ наказаніемъ грамоты во грады и

въ села ко княземъ и бояромъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ, у которыхъ церкви есть, чтобы у себя игуменовъ и поповъ и діаконовъ сквернослужительныхъ не таили. Тогда миръ и тишина водворятся въ Церкви Христовой и соблазна не будетъ и вси людіе Божіи возрадуются о вашемъ истинномъ утвержденіи".

Самая главная мысль, которая проходитъ чрезъ все „Написаніе" Георгія Скрипицы, та, что соборное опредѣленіе (1503—1504 г.г.) не можетъ быть признано законнымъ, такъ какъ оно не имѣетъ для себя основаній въ канонахъ церковныхъ. Мысль эта — вполнѣ справедливая. Правила соборныя и апостольскія предписываютъ отлучать отъ священства только тѣхъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, которые ведутъ безнравственный образъ жизни, но чтобы запрещать священнодѣйствіе, на ряду съ порочными, и тѣмъ, которые живутъ чисто и незазорно, этого въ канонахъ нѣтъ [1]). Значитъ, возраженіе Георгія Скрипицы противъ законности соборнаго опредѣленія было вполнѣ основательно и справедливо. Должно думать, что справедливость его доводовъ признавалась какъ самими отцами собора (1503 – 1504 г.г.), которымъ было подано „Написаніе", такъ и всѣми вообще святителями русской Церкви, которымъ приходилось приводить данное соборное опредѣленіе въ исполненіе. Это можно выводить отчасти изъ того, что въ первой же половинѣ XVI вѣка іерархи русскіе болѣе достойнымъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ стали разрѣшать исполненіе всѣхъ требъ церковныхъ, даже служеніе Литургіи, и безъ постриженія въ монашество [2]), а главнымъ образомъ изъ сужденія относительно соборнаго опредѣленія 1504 года Большаго Московскаго собора (1667 года), который прямо говоритъ, что оно „кромѣ правилъ положися" [3]).

Не смотря однако на всю свою основательность и состоятельность какъ съ логической стороны, такъ и съ канонической, протестъ Георгія Скрипицы не увѣнчался успѣхомъ: запрещеніе священно-служенія было распространено на всѣхъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ. Церковное правительство России находило эту

[1]) Сравн. 16, 17 и 26 прав. св. Апост.

[2]) Въ знакъ этого дозволенія священникамъ давались эпитрахильныя грамоты, а діаконамъ орарныя или стихарныя, отмѣненныя уже въ 1765 году.—Прав. Соб. 1863 г., ч. 2, стр. 361.

[3]) Тамъ же.

мѣру единственно цѣлесообразною и необходимою и практиковало ее до 1667 года, когда соборомъ патріарховъ она была отмѣнена. Дѣйствительно, если взглянуть на дѣло не съ юридической точки зрѣнія, а съ исторической и фактической, то эта мѣра окажется на самомъ дѣлѣ необходимою. Судя по тогдашнему времени, подыскать для искорененія зла какое-либо другое, болѣе подходящее и соотвѣтствующее цѣли, средство было довольно трудно, такъ какъ приходилось бороться какъ съ самымъ зломъ, такъ и съ тѣми условіями, которыя содѣйствовали его усиленію: невѣжествомъ и необразованностію духовенства, бродяжничествомъ священнослужителей, которые съ своими ставленными и перехожими граматами переходили съ мѣста на мѣсто, изъ одной епархіи въ другую, и безъ вѣдома и разрѣшенія духовной власти по найму совершали священнодѣйствія, у кого имъ было угодно; неурядицами въ самомъ церковномъ управленіи и т. под. Но само собою понятно, что уничтожить всѣ подобныя условія, благопріятствовавшія развитію зла, было въ то время совершенно немыслимо; значитъ, приходилось бороться непосредственно со зломъ, какъ внѣшнимъ проявленіемъ дѣйствія извѣстныхъ причинъ, его производящихъ, а не съ самыми причинами,—иначе говоря, приходилось начинать дѣло съ конца. А потому, чтобы достичь успѣха и желательныхъ результатовъ въ борьбѣ съ развившимся зломъ, нужно было употребить противъ него самыя рѣшительныя и сильныя мѣры, которыя, если бы оказались недостаточными для положительнаго искорененія зла, препятствовали бы, по крайней мѣрѣ, его обнаруженію во внѣ. Принятія такихъ именно мѣръ требовали самыя обстоятельства этого дѣла. Нѣкоторые изъ вдовыхъ священнослужителей вели настолько зазорную, безнравственную жизнь, что своимъ поведеніемъ возбуждали противъ себя даже простой народъ, какъ это было, напримѣръ, въ 1468 г. въ Псковѣ. Между тѣмъ, подобнаго рода безпорядки и неурядицы были въ то время (XV—XVI в.в.) особенно опасны для спокойствія Церкви, потому что сильно возбуждали еретиковъ и давали имъ поводъ къ укоризнамъ и упрекамъ по адресу Православной Церкви. Такое положеніе даннаго дѣла и вынудило бывшіе въ началѣ XVI-го вѣка (1503–1504 и 1509 г.г.) соборы запретить священнодѣйствіе всѣмъ вообще вдовымъ священникамъ и діаконамъ, не обращая вниманія на то, что, по силѣ такого опредѣленія,

должны будутъ пострадать на ряду съ виновными и лица совершенно ни съ чемъ, позорящемъ ихъ нравственный обликъ, не виновныя. „Аще и кромѣ правилъ положися,—разсуждали относительно этого опредѣленія отцы Большаго Московскаго собора 1667 г., —еже вдовствующимъ причетникомъ не служити Божественныя литургіи; обаче за умноженіе безчинія неискусныхъ причетниковъ, опаства ради добрѣ повелѣся“ [1]). Впрочемъ, ко второй половинѣ XVII столѣтія обстоятельства этого дѣла настолько измѣнились, что отцы Большаго Московскаго собора (1667 г.) нашли, какъ уже сказано выше, возможнымъ отмѣнить соборныя опредѣленія 1504—1509 г.г. о запрещеніи священнослуженія вдовымъ священникамъ и діаконамъ. Такъ какъ въ настоящее время, разсуждали пастыри собора 1667 г., въ землѣ русской и между вдовыми священнослужителями оказываются знающіе божественныя писанія и имѣющіе честное житіе, то отнынѣ, если вдовыхъ священниковъ совѣсть не укоряетъ ни въ чемъ, возбраняющемъ священнослуженіе, пусть они совершаютъ Богослуженіе. Если же, по изслѣдованію архіерея и по свидѣтельству стороннихъ добросовѣстныхъ людей, кто-либо изъ нихъ обличенъ будетъ въ дѣлахъ, возбраняющихъ священнодѣйствія, то таковаго „отлучать“, т. е. лишать священства. „Понеже бо не жены ради попъ или діаконъ, и не жены ради умертвія запрещаются священнодѣйствія, но за порокъ невоздержанія, или иныхъ безмѣстныхъ дѣлъ, яже запрещаютъ священнодѣйствовати: ибо издревлѣ священными правилы не имущіе женъ причетницы не запрещахуся“ [2]). Съ этого времени и доселѣ священнослуженіе вдовымъ членамъ клира не запрещается.

А. Антониновъ.

ДѢДУШКА ПАХОМЪ [3]).

(Разсказъ).

I.

Дѣдушка Пахомъ давно состоитъ сторожемъ при школѣ. Учитъ ребятишекъ учитель или батюшка, а Пахомъ сидитъ въ своей ко-

---

[1]) Прав. Соб. 1863 г., ч. 2, стр. 360.

[2]) Прав. Соб. 1863 г., ч. 2, стр. 361.

[3]) „Тамб. Еп. Вѣд.“ 1896 г., № 5-й.

моркѣ и ковыряетъ лапти. Но лапти ему что? онъ не проронитъ ни одного слова батюшки или учителя и крѣпко слѣдитъ за отвѣтами ребятишекъ... Кончились занятія, ребятишки по домамъ, а Пахомъ остановитъ тѣхъ, которые плохо отвѣчали уроки и начнетъ ихъ стыдить за ихъ лѣность. И слушались ребятишки Пахома; за то славно же любилъ онъ ихъ!.. Съ ними онъ былъ постоянно. Окружатъ его ребятишки, а онъ или разсказываетъ имъ что либо божественное, или поетъ съ ними церковныя пѣсни. А въ праздники такъ и на клиросѣ распѣваетъ съ ними. И любо смотрѣть на сѣдаго старика, окруженнаго малышами...

Спокойно жилъ Пахомъ въ своей коморкѣ много лѣтъ. Но вотъ послалъ Господь на село Любимое несчастье, которое нарушило мирную жизнь старика. Завелись въ селѣ какія-то секты, и завезъ ихъ сюда Любимовскій же житель, который проживалъ въ южныхъ губерніяхъ. Пріѣхалъ онъ домой и новой вѣрою соблазнилъ нѣсколько семействъ... Извѣстное дѣло, въ селѣ почти всѣ родня между собою; вотъ и начали эти нововѣры соблазнять своихъ родственниковъ. Скоро нововѣровъ стало ужъ семей десять, а потомъ и двадцать... Сильно скорбѣлъ Пахомъ о заблудшихъ. Пробовалъ было уговорить ихъ бросить выдумки, не слушаютъ, еще смѣются. И рѣшилъ Пахомъ, не тратить съ ними больше времени по пусту. И упросилъ онъ батюшку научить его, старика, о чемъ и какъ бесѣдовать съ православными, чтобы уберечь ихъ отъ пагубы. Батюшка много говорилъ Пахому, откуда появились эти нововѣры, въ чемъ они заблуждаются, какъ уличить ихъ во лжи; также научалъ Пахома, какъ и о чемъ бесѣдовать съ православными. Внимательно слушалъ старикъ батюшку и еще внимательнѣе читалъ онъ разныя книжки, какія ему давалъ на домъ батюшка. При случаѣ, Пахомъ любилъ потолковать съ православными о томъ, что слышалъ отъ священника, что узналъ изъ книжекъ. И нравилась православнымъ искренняя бесѣда старика, и почитали они его за его мудрыя рѣчи...

II.

Міръ—село собрался на сходку потолковать о мірскихъ дѣлахъ... А вонъ и дѣдушка Пахомъ бредетъ къ намъ!!! „Здравствуйте, старички!.. Не помѣшаю я вамъ?!“—Нѣ... заголосила толпа. Мы

прикончили, нашумѣлись!! „Вотъ что, старички, заговорилъ Пахомъ: чую я, помирать мнѣ скоро, такъ вотъ пришелъ я сказать міру мою послѣднюю волю. Служилъ я вамъ, сколько могъ и какъ умѣлъ; коли кому не угодилъ, прошу простить меня Христа ради.“ „Службой твоей много довольны, служи и еще; спасибо тебѣ: дѣтокъ нашихъ какъ любилъ!“—„Спасибо и вамъ за ласковыя рѣчи, что согрѣли сердце безроднаго старика. Прошу теперь я міръ: какъ умру, похороните меня по настоящему православному, чтобъ сорокъ обѣденъ отслужить по мнѣ и годовщину справить. А вотъ, староста, тебѣ тридцать рублей; сбереги ихъ на поминъ души моей, да на похороны...“—„Нѣтъ, староста, не бери этихъ денегъ, зашумѣли кругомъ: мы міромъ!“—„Ну, спасибо вамъ, родные! поклонился Пахомъ: коли міромъ похоронить меня хотите, такъ это для меня большая утѣха, а эти деньги я отдамъ батюшкѣ; пусть на Аѳонъ ихъ отошлетъ, чтобы и тамъ меня грѣшнаго помянули. А теперь, дѣтки... вы уже простите меня стараго, что дѣтками назвалъ васъ: почитай, всѣ на моихъ глазахъ повыросли...; теперь дѣтки... видитъ Богъ, какъ люблю я васъ, люблю наше родное село, люблю вашихъ дѣтокъ... и голосъ старика задрожалъ, на рѣсницахъ показались слезинки... „Да вѣдь и мы всѣ любимъ тебя!“ гаркнулъ міръ.—„Только жаль мнѣ васъ, дѣтки! Завелись теперь у насъ нововѣры, намутили они, испортили село наше. Бывало, въ праздникъ, всѣ въ храмъ Божій, а теперь кто въ храмъ, а кто въ избу къ нововѣрамъ, а кто совсѣмъ никуда; вотъ что стало! А постомъ великимъ, бывало, всѣ отъ мала до велика поговѣютъ, очистятся отъ грѣховъ, а нынѣ врядъ ли и половина села говѣетъ. Много намутили эти нововѣры! Но, Богъ дастъ, пройдетъ это горе. А на прощанье послушайте меня старика. Живите въ Церкви Христовой православной; она, Церковь—матушка, есть древо жизни. Слыхали вы про древо жизни, что въ раю было? „Какъ же, помнимъ, слыхали, знаемъ“.—„Такъ вотъ: плоды того райскаго древа жизни сохраняли отъ смерти тѣлесной, а плоды духовнаго древа жизни—Церкви Христовой—сохраняютъ вкушающихъ этихъ плодовъ отъ смерти духовной, отъ вѣчной погибели. И Пахомъ, какъ съумѣлъ, воспроизвелъ наставленія батюшки о Церкви Христовой и о ея благодатныхъ плодахъ, которые она раздаетъ своимъ истиннымъ сынамъ.—„Батюшка говорилъ мнѣ

объ этихъ плодахъ", продолжалъ Пахомъ; вотъ они. Прежде всего, раждается на свѣтъ человѣкъ,—онъ грѣшенъ, ибо въ беззаконіи зачатъ и во грѣхѣ рожденъ своею матерью (Псал. 50). Но священникъ креститъ младенца во имя Отца и Сына, и Святаго Духа и этимъ снимаетъ съ него грѣхъ прародительскій. Новорожденный дѣлается сыномъ Божіимъ, а Богъ ему Отцомъ,—дѣлается святымъ и вступаетъ въ новую жизнь, духовную. Для этой жизни ему нуженъ духовный свѣтъ, пища, тепло, воздухъ. Все это и подается новорожденному въ таинствѣ миропомазанія... Это другой благодатный плодъ св. Церкви. Теперь человѣкъ поставленъ на ноги въ святой жизни, но онъ можетъ не соблюсти ея, можетъ споткнуться и упасть т. е. согрѣшить. Тогда ты не отчаявайся, а иди къ пастырю Церкви, раскайся передъ нимъ въ своихъ грѣхахъ, и Богъ милосердый, не хотящій смерти грѣшника, проститъ тебя устами пастыря Церкви, ибо имъ (пастырямъ) Господь сказалъ: „что вы свяжете на землѣ, будетъ связано на небѣ, и что вы разрѣшите на землѣ, будетъ разрѣшено на небѣ". Вотъ ты вкусилъ третій плодъ Церкви, ты очистился отъ рѣховъ. Но ты слабъ; самъ собою, одинъ не справишься съ своею плотью. Вкуси же самаго высшаго плода: „тѣло Христово пріими и источника безсмертнаго вкуси" въ таинствѣ причащенія. И дорожи этою святынею: бойся новыми грѣхами оскорбить Христа, съ которымъ ты соединился, а Христосъ Самъ дастъ тебѣ силы къ прохожденію святой жизни... Жизнь... трудна, охъ! какъ трудна... Вотъ ты здоровъ, силенъ; дѣло у тебя идетъ ладно; самые труды тебѣ сладки. Но вдругъ злой недугъ свалилъ тебя: ты захворалъ. Не унывай и въ болѣзни; иди опять къ древу жизни, снова зови на помощь Церковь Христову, зови пресвитеровъ—пастырей, и они помолятся о тебѣ, помажутъ тебя елеемъ во имя Господне, и, если ты съ вѣрою и самъ будешь молиться, воздвигнетъ тебя Господь съ одра болѣзни, и если ты грѣхи сотворилъ, они отпустятся тебѣ (Иак. 5 гл.). Вездѣ во всемъ помогаетъ тебѣ Церковь! А вотъ и еще плодъ Церкви Христовой: всякій христіанинъ воленъ избрать себѣ жизнь безбрачную или жизнь супружескую. Трудно дѣвственнику, еще труднѣе вести жизнь вдвоемъ: надо и себя спасти и о супругѣ твоей имѣть попеченіе, и дѣтей воспитать въ страхѣ Божіемъ. Проси же снова у Церкви помощи, и она благословитъ твой бракъ

и дастъ благодать къ прохожденію супружеской жизни... И всѣ эти плоды благодатные дастъ тебѣ Церковь черезъ пастырей, которые не сами себѣ взяли эту власть, а поставлены на то Богомъ для служенія Ему и намъ. Ты вотъ самъ себѣ служишь, а они по истинѣ наши духовные отцы; всю жизнь свою служатъ намъ, и какъ служатъ! Въ глухую ли полночь, въ непогодь—ненастье потребуешь къ себѣ духовнаго отца, онъ готовъ служить тебѣ. Лежишь ли въ болѣзни заразной, всѣ покинули тебя, а отецъ твой духовный при одрѣ твоемъ напутствуетъ тебя, молится съ тобой за тебя. Пережилъ я три страшныхъ годины—три холеры; видѣлъ я, какъ служатъ тутъ намъ наши пастыри, какъ они поистинѣ „душу свою полагаютъ за овецъ своихъ духовныхъ". Этихъ-ли пастырей не слушать, ихъ ли не любить?! Они и горе, и радости дѣлятъ съ вами; они себѣ чужіе, вамъ—свои. А вотъ-же не слушаются ихъ, бѣгутъ отъ нихъ эти нововѣры, избираютъ себѣ своихъ законоучителей, которые не разумѣютъ ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ (1 Тим. 4, 7). Охъ, братцы! тяжко мнѣ, старику, отъ того, что появились у насъ тѣ, о которыхъ еще апостолъ говорилъ: „и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель. И многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи" (2 Петр. 2, 1—2). Они, наши Любимовскіе еретики, отверглись Господа, выдумали вѣру новую, возстаютъ противъ Церкви Христовой и вмѣстѣ съ силами адскими хотятъ одолѣть ее; но это имъ не удастся. Они только поносятъ *путь истины*, тотъ путь, которымъ ведетъ насъ Церковь въ жизнь вѣчную,—по которому спасся и получилъ вѣнцы славы цѣлый сонмъ нашихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ,—тотъ путь, которымъ шли наши отцы, дѣды и прадѣды, за который проливали кровь наши православные христолюбивые воины,—тотъ путь они поносятъ, которымъ шествуютъ сами цари наши православные... За этотъ развратъ вѣры, за это поношеніе, вѣрьте, православные, они не останутся безъ наказанія, ибо знаетъ Господь, какъ избавлять благочестивыхъ отъ искушенія, а беззаконниковъ соблюдать ко дню суда для наказанія" (2 Петр. 2, 10). Накажетъ Господь этихъ беззаконниковъ и за то, что они презираютъ начальство, злословятъ пастырей Церкви и всѣми средствами

стараются соблазнить православныхъ. Но вы не слушайте ихъ, ибо „это безводные источники, облака и мглы, гонимыя бурею (17 ст.); они произносятъ только пустословіе (18 ст.); они обѣщаютъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія“ (19 ст.)... Они вотъ кричатъ про свободную вѣру; а что же они дѣлаютъ съ тѣми, которыхъ уловятъ въ свои сѣти? Они „обѣщаютъ имъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія, ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ“, обѣщаютъ вамъ свободу отъ заповѣдей и уставовъ Церкви: отъ постовъ, поклоновъ, бдѣній и т. п., а ведутъ васъ въ рабство плоти, дѣлаютъ васъ рабами тѣла... Накажетъ ихъ Господь за ихъ беззаконія, за соблазнъ и особенно за малыхъ несчастныхъ дѣтей ихъ!.. Вѣдь, они, бѣдныя, какъ родились въ грѣхахъ, такъ и остаются въ нихъ; они и не омыты водою крещенія, и не соединены со Христомъ. Ихъ души младенческія убиты... Большой отвѣтъ отдадутъ на страшномъ судѣ Христовомъ эти „развратники вѣры“,— наши Любимовскіе нововѣры!.. Вотъ вамъ, братцы, мое завѣщаніе! Крѣпко держитесь за матушку — Церковь Христову православную! Мирно живите подъ этимъ деревцомъ жизни и вкушайте съ него плоды его, а уйдете отъ Церкви, лишитесь плодовъ ея, и участь ваша будетъ хуже участи невѣрныхъ... Ну, прощай, міръ! прощайте, старички, братцы, дѣтки!...

И поплелся Пахомъ къ своей сторожкѣ, и молился онъ тамъ за своихъ Любимцевъ...

— Словно чуялъ дѣдушка Пахомъ свою смертушку. Постомъ схоронили. Бѣденъ былъ дѣдушка, безроденъ былъ, а его провожали въ загробную жизнь всѣ Любимовцы. А дѣтокъ то сколько было вокругъ его гроба! и какъ грустно пѣли эти дѣтки „со святыми упокой“ по любимомъ дѣдушкѣ Пахомѣ.

Свящ. *I. Орловъ.*

Извѣстія и замѣтки.

— *О наблюденіи за ходебщиками съ книжнымъ товаромъ.* — Самарская Духовная Консисторія предписала благочиннымъ и всѣмъ священникамъ Епархіи, чтобы они имѣли наблюденіе за пропагандою ходебщиковъ съ книжнымъ товаромъ, осматривая у нихъ такой и, въ случаѣ оказательства изданій безцензурныхъ,—отбирать, чрезъ полицейскую власть,

таковыя и составлять акты, равно какъ наблюдая за лицами, носящими внѣшность монаховъ и послушниковъ, требовать отъ нихъ видовъ на жительство, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, передавать дѣло сельской полиціи, съ требованіемъ донесенія о послѣдующемъ и съ донесеніемъ отъ себя епархіальному начальству. Но съ подобными произведеніями невѣжества и суевѣрія, какъ гадательныя книжки, изданными и съ дозволенія цензуры, бороться вразумленіемъ невѣжественныхъ („Сам. Еп. В.").

— *Къ смягченію нравовъ въ народѣ.*—Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, Высокопреосвященный Владиміръ, въ одномъ изъ своихъ указовъ по Епархіи, обращаетъ вниманіе священно-служителей и вообще духовенства на широкое распространеніе въ народѣ привычки «сквернословить", и указываетъ, что, по донесенію одного изъ благочинныхъ „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прихожане заражены, какъ бы язвою, порокомъ сквернословія". Въ виду этого, Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ находитъ нужнымъ разъяснить духовенству въ упомянутомъ указѣ, что „употребленіе сквернословія въ частныхъ и общественныхъ мѣстахъ насколько грубый и гнусный, настолько почти традиціонный порокъ простого русскаго народа, что онъ предусмотрѣнъ даже въ гражданскомъ законодательствѣ. Для искорененія этого зла рекомендуется пастырямъ Церкви принимать всѣ мѣры пастырскаго вразумленія и воздѣйствія, сдѣлавъ его предметомъ особыхъ поученій въ церквахъ и убѣжденій при требо-исправленіяхъ. Въ случаѣ же встрѣчи лицъ, закоснѣлыхъ въ этомъ порокѣ и явно упорствующихъ противъ убѣжденій, согласно 38 ст. о нак., нал. мир. суд., пастыри церкви могутъ обращаться за содѣйствіемъ къ земскимъ начальникамъ". («П. Г. В.»).

— *Замѣчательный сельскій священникъ.*—„Саратовскій Листокъ" сообщаетъ о представленіи земствомъ къ наградѣ сельскаго священника. Изъ этого представленія, на имя мѣстнаго епископа, обрисовывается замѣчательная дѣятельность скромнаго сельскаго пастыря. Священствуя около 35 лѣтъ, о. Лебедевъ съ 1870 года состоитъ попечителемъ Идолгской сельской школы, которая, по отзыву уѣзднаго инспектора народныхъ училищъ, только одна въ уѣздѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ педагогіи. При этой школѣ о. Лебедевымъ устроены ремесленныя отдѣленія: токарно-столярное и кузнечно-слесарное. Все это устроено руками прихожанъ изъ сырца-самана и покрыто огнеупорною соломой съ глиной, подъ личнымъ наблюденіемъ и при указаніяхъ о. Лебедева. Чтобы избавить прихожанъ отъ ростовщиковъ, о. Лебедевъ въ 1880 году устроилъ въ селѣ Идолгѣ ссудо-сберегательное товарищество, изъ прибылей котораго болѣе 5000 руб. пошло на перестройку школьнаго зданія. Въ минувшую голодовку о. Лебедевъ исходатайствовалъ изъ суммъ Краснаго Креста около

2000 руб. и устроилъ въ с. Идолгѣ и окрестностяхъ его 5 хозяйственныхъ мостковъ, шоссировалъ по селу топи и такимъ образомъ облагообразилъ село. Въ прошломъ году имъ устроено прекрасное общественное про черный день хлѣбохранилище, а въ школьной мастерской доморощенными юными мастерами строгаются двери, рамы и другія столярныя вещи въ родную церковь. Въ лѣтнее страдное время, когда весь народъ обыкновенно въ полѣ, о. Лебедевъ собираетъ дѣтей подъ свой надзоръ въ качествѣ рабочихъ таскать кирпичъ. И, такимъ образомъ, прошлымъ лѣтомъ росла Идолгская колокольня, а дѣти, къ приходу съ поля родителей, таскали имъ свои гривны и пятаки, а иные—и до 30 коп. въ день. Благодарные прихожане и почитатели о. Лебедева подносятъ ему отъ себя драгоцѣнный наперсный крестъ.

— *Плоды десятилѣтней операціи Епархіальнаго свѣчного завода въ г. Курскѣ.*—По сообщенію „Кур. Епарх. Вѣд.“ (1896 г. № 11), Курскій Епархіальный свѣчной заводъ, не имѣя основного капитала, ведя дѣло въ кредитъ, въ теченіе десяти лѣтъ (1883—1893) далъ: 1) Курскому епархіальному женскому училищу 57,888 р. 91 к., 2) Курской духовной семинаріи 41,703 р. 63 к., 3) Епархіальному попечительству уплатилъ долгъ въ 16000 р. и % 11,171 р., 4) За покрытіемъ всѣхъ долговъ, кромѣ построекъ и заводскаго имущества, имѣетъ собственный капиталъ въ 184,118 р. 15 к.

— *Поучительный случай.*—Многимъ извѣстно, что ни одинъ православный церковный обрядъ, а тѣмъ болѣе таинство, не возбуждаетъ столько празднаго и возмутительнаго, по своимъ слѣдствіямъ, интереса толпы, какъ обрядъ вѣнчанія. Набирающаяся въ это время въ храмы посторонняя публика какъ бы забываетъ про мѣсто своего нахожденія, шумитъ, шутитъ, „остритъ“ въ слухъ на счетъ брачущихся и позволяетъ себѣ другія вольности. Дѣло иногда доходитъ чуть не до скандала... Особенно въ сельскихъ церквахъ, гдѣ иногда половина свадебнаго поѣзда оказывается „навеселѣ“, таинство бракосочетанія совершается при шумѣ, разговорахъ, смѣхѣ и т. п... Совершеніе таинства брака въ гор. Моршанскѣ также, по словамъ „Тамб. Г. В.“, долгое время сопровождалось всевозможными безобразіями, творимыми приходящими въ это время въ храмъ праздными жителями, которые превращали послѣдній въ нѣчто, подобное увеселительному заведенію. И вотъ, послѣ продолжительнаго и уже вошедшаго въ обыкновеніе всякаго безчинства Моршанскихъ обывателей на бракосочетаніяхъ, неожиданно произошло нѣчто особенное и изъ ряда вонъ выходяще. Назначенный на мѣсто умершаго священника Моршанской соборной церкви, о. Θеодора Троицкаго, священникъ о. Тихонъ Поспѣловъ, рѣшился 21 января выступить на защиту новобрачныхъ и

объяснилъ собирающимся въ храмы во время вѣнчанія зѣвакамъ всю неприглядность и грѣховность ихъ поступковъ. На происходившемъ 21 января вѣнчаніи въ соборной церкви священникъ Поспѣловъ, замѣтивъ вольное настроеніе толпы, оставилъ новобрачныхъ, и подойдя къ амвону, началъ въ короткихъ, но ясныхъ и сильныхъ выраженіяхъ объяснять собравшимся всю неприличность ихъ поступковъ. Начавъ съ того, что грѣхъ ходить въ храмъ безъ желанія искренно молиться, объяснивъ затѣмъ значеніе храма и таинства брака, священникъ указалъ далѣе на недостойное христіанина дѣло смущать брачущихся, находящихся предъ лицемъ Всевышняго и т. д. И не успѣлъ о. Поспѣловъ сказать и половины своей краткой рѣчи, какъ большая часть собравшихся исчезла изъ храма, оставшіеся же моментально смолкли, и таинство было совершено въ невиданныхъ еще у насъ благоговѣніи и тишинѣ. Примѣръ этотъ наглядно показываетъ, какъ легко священнику за одинъ разъ исправить то, что казалось невозможнымъ сдѣлать даже въ долгое время. Нѣтъ сомнѣнія, что и другіе священники могутъ, при желаніи, сдѣлать многое, и безчинства въ храмахъ во время бракосочетаній прекратятся. („В. Тр.").

— *Противъ низкопоклонства.*—Преосвященный Іустинъ, епископъ Рязанскій, объявляетъ въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ (№ 5) во всеобщее свѣдѣніе слѣдующую просьбу: „прошу просителей: *никогда не дѣлать мнѣ земныхъ поклоновъ; для меня довольно поясныхъ, а земные Богу*. Менѣе низости, болѣе усердія къ службѣ, никакого низкопоклонства, одной правды—вотъ почеты, которыхъ я желаю".

— *Замѣчательное пожертвованіе православному храму.*—Недавно, черезъ Пермь отправлена, какъ пожертвованіе, въ одну изъ бѣднѣйшихъ православныхъ церквей Царства Польскаго икона, исторія и самыя достоинства которой обращаютъ на себя вниманіе. Жертвователь—богатый купецъ раскольникъ секты безпоповцевъ Ч—въ, обыватель одного изъ окрестныхъ заводовъ гр. Строганова. Тихвинская икона Божіей Матери написана раскольникомъ же, учителемъ и замѣчательно даровитымъ художникомъ-самоучкою, получившимъ уже не одну награду за иконопись на нашихъ выставкахъ, Казанской и Екатеринбургской и другихъ. Чрезвычайно характерна скромность жертвователя, который оцѣниваетъ даръ въ 75 руб. Столько ему, по его словамъ, стоила работа иконы. Между тѣмъ, истинная оцѣнка иконы довольно затруднительна; дѣло въ томъ, что она сплошь усыпана драгоцѣнными и отчасти рѣдкими каменьями: крупными золотистыми аметистами, яхонтами, хризолитами; риза составлена изъ уральскаго бисера и драгоцѣнныхъ жемчужинъ. Ч—въ не цѣнитъ всего этого на томъ основаніи, что оно досталось ему и женѣ его по наслѣдству. Ночью, при освѣщеніи, икона представляетъ необыкно-

венное зрѣлище: камни и проч. украшенія отливаютъ какимъ то волшебнымъ переливомъ цвѣтовъ. Икона принесена въ даръ православной церкви въ селеніи Ружаница, Люблинской губерніи, на самомъ рубежѣ нашемъ съ Австріей. („Моск. Церк. Вѣд.“).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ.

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ (апрѣль). Отдѣлъ I. Святаго отца нашего Ефрема Сирина толкованіе на Четвероевангеліе.—Отдѣлъ II. Древне-греческая религіозная скульптура. **В. Г. Аппельротъ.** Надгробное слово префекта Евгенія Болховитинова. 1790 г. Сообщ. **Свящ. Ст. Звѣрева.** Критика нравственнаго ученія Милля. **И. В. Попова.** Чинъ священнаго коронованія. (Историческій очеркъ образованія чина). **К. М. Попова.**—Отдѣлъ III. Изъ церковной жизни южныхъ славянъ. V. Православная славянская церковь въ Австро-Венгріи **Г. А. Воскресенскаго.** На дальнемъ востокѣ. (Письма японскаго миссіонера). **Архимандрита Сергія.**—Отдѣлъ IV. Новое произведеніе графа Л. Н. Толстого. (Письмо въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“). **Прот. Г. П. Смирнова-Платонова.** Къ вопросу „о выработкѣ міросозерцанія“. Критическій анализъ посвященныхъ этому вопросу брошюръ проф. Н. Карѣева. **А. И. Введенскаго.** Перечень вновь вышедшихъ русскихъ книгъ историческаго и философскаго содержанія.—Отдѣлъ V. Протоколы засѣданій Совѣта Московской Духовной Академіи за 1895 годъ. Объявленія.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ (апрѣль) I. „Смерть“. Стихотвореніе. **М. Ю. Лермонтова.**—II. Дипломатическій архивъ XIV вѣка до Р. Х. **В. А. Грингмута.**—III. Гордость семьи. Повѣсть. Часть вторая. (Гл. VII—XII.). **А. В. Стернъ.**—IV. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерины I. Гл. V—VI. (Окончаніе). **Проф. А. С. Алексѣева.**—V. Не судьба. Повѣсть. Гл. IV—VII. (Окончаніе). **Д. Лиговскаго.**—VI. Въ странѣ рабовъ. Изъ посмертныхъ бумагъ. (Продолженіе). **А. В. Елисѣева.**—VII. Письма изъ Италіи. VII. **М. П. Соловьева.**—VIII. I. Ночь.—II. Сонъ. Стихотворенія. **В. К. Истомина.**—IX. Отхожіе сельско-хозяйственные промыслы. Гл. IV—V. **Князя Н. В. Шаховскаго.**—X. Изъ Гейне. Стихотвореніе. **Проф. П. А. Висковатова.**—XI. Коронованіе русскихъ государей. (Историческій очеркъ). Гл. X.—XII. **Г. П. Георгіевскаго.**—XII. Старые кадеты: VIII. „Въ лагерѣ“.—IX. „Историкъ“. **А. А. фонъ-Риттера.**—XIII. Исторія располяченія западно-русскаго костела. Гл. I.—V. **А. П. Владимірова.**—XIV. „Вспомню-ли дѣтства я дни невозвратные“... Стихотвореніе. **К. Альбинскаго.**—XV. Новыя попытки ко введенію метрической системы мѣръ въ Россіи. **Ѳ. П. Еленева.**—XVI. Дневникъ. Картинка съ натуры. **К. Мурръ.**—XVII. Письма къ Беркгольцу. **Баронессы Раденъ.** (Переводъ съ нѣмецкаго. **Е. Н. Б**).—XVIII. Очерки Привислянья. Гл. I.—IV. **В. Р.**—XIX. Князь С. В. Шаховской о задачахъ русской власти въ Прибалтійскомъ краѣ. **Князя Н. В. Шаховского.**—XX. Къ портретамъ П. В. Кирѣевскаго и П. И. Якушкина. Стихотвореніе. **Н. А. Чаева.**—XXI. Еще доброе дѣло на Руси. **В. В. Розанова.**—XXII. Деревенскія письма. XVI—XIX.

А. Л. Зиссермана.—XXIII. Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Изъ моихъ воспоминаній **И. Н. Павлова.** 2) Изъ записной книжки. (Нѣсколько хронологическихъ данныхъ.—Анектотъ изъ жизни Герцена.—Государь объ эпиграммахъ.—Гдѣ печатались провламаціи декабристовъ?—Поѣздка въ Америку.—Неизвѣстные стихи Лермонтова.—Спиритическій сеансъ и посмертные стихи Пушкина). **И. Н. Павлова.** 3) Отрывки изъ воспоминаній: VII. Швейцаръ Михайло. IX. Серенада-импровизація. **Н. А. Чаева.** 4) На родинѣ А. Н. Муравьева. **А. А. Третьякова.**—XXIV. Изъ церковной жизни. **I. Ф.**—XXV. Новый журналъ. **Протоіерея I. Виноградова.**—XXVI. Лѣтопись печати: 1) Вѣчные вопросы. 2) Повременныя изданія Л. А. Тихомірова.—XXVII. Критика. „Капитанская дочка" Пушкина **Н. И. Черняева.** 2] Посмертный сборникъ стихотвореній графа П. Бутурлина. **В. П. Горленко.**—XXVIII. Библіографія.—XXIX. Новости иностранной журналистики.—XXX. Областной отдѣлъ: Изъ Варшавы. **Л. Волкова.**—XXXI. Внутреннее обозрѣніе. **А. В.**—XXXII. Иностранное обозрѣніе. XXXIII. Письма въ редакцію: **I. Н. Н. Макъ-Гаханъ.** II. А. А. Кирѣева.—XXXIV. Книги, поступившія въ редакцію.—XXXV. Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Славянскія.

Въ 16-ю д. л., въ кол. съ золотымъ крестомъ . . . . —	60
„ 32-ю „ „ „ „ „ „ „ съ псалт. . . . . . . —	40

4-ро Евангелія.

(Съ указателемъ церковныхъ чтеній).

Русскія.

Въ 32-ю д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ . . . . —	15
„ 16-ю „ „ тоже съ золотымъ крестомъ . . . . —	30

Славяно-русскія.

Въ 16-ю д. л., въ коленкорѣ, съ золотымъ крестомъ . . . . . . —	60

Славянскія.

„ на славянск. яз., въ кол., съ зол. кр. . . . . —	40

Псалтири.

Въ 16-ю д. л., русскія, въ тисненномъ коленкорѣ . . . . . —	30
„ 32-ю „ „ „ „ „ „ „ . . . . . —	7
„ „ „ „ славянскія, „ „ . . . . . —	30
Въ 32-ю д. л., „ . . . . . —	10

Библіи.

На русскомъ языкѣ, въ 8-ю д. л., въ кожѣ	3	50
„ „ „ „ 8-ю „ „ „ корешкѣ	3	—
„ „ „ тоже, въ золотомъ обрѣзѣ, въ футлярѣ	5	—
„ славянскомъ языкѣ, въ 8-ю д. л., въ кожѣ	3	60
„ „ „ въ 18-ю д. л., въ корешкѣ	1	75
Евангелія-брошюр. рус. въ 32-ю д. л., гражд. Евангел. влож. отд. въ пер. —		5

Съ требованіями св. книгъ слѣдуетъ адресоваться въ складъ Общества, помѣщающійся на Красносельскомъ рынкѣ д. № 8.

Въ настоящее время, чтобы достигнуть общедоступныхъ цѣнъ, заведеніемъ предпринято большое изданіе и уже заготовлено значительное количество портретовъ, образецъ которыхъ при семъ прилагается.

Портреты высылаются по нижеслѣдующимъ цѣнамъ, при пересылкѣ за счетъ заказчика:

Цѣны за экземпляръ.	Цѣны за экземпляръ
Не менѣе 50 экз. . . . по 20 коп.	Не менѣе 3000 экз. . . . по 9 коп.
„ „ 100 „ . . . по 15 коп.	„ „ 5000 „ . . . по 8 коп.
„ „ 500 „ . . . по 12 коп.	„ „ 10000 „ и болѣе по 7 коп.
„ „ 1000 „ . . . по 10 коп.	

Вѣсъ 50 экз. безъ упаковки приблизительно 1¼ фунтъ. Заказы менѣе 50 экземпляровъ не исполняются.

Портреты Ихъ Величествъ могутъ быть немедленно высланы, но съ тѣмъ, чтобы самая раздача ихъ народу была совершена не ранѣе дня Священнаго Коронованія.

Съ заказами просятъ обращаться возможно скорѣе, чтобы заведеніе могло удовлетворить требованія гг. заказчиковъ и чтобы каждый заказъ былъ своевременно полученъ ко дню Священнаго Коронованія.

Имѣется въ складѣ для раздачи народу и войскамъ изданіе маленькій альбомъ „Домъ Романовыхъ"—17 портретовъ, начиная съ Царя Михаила Ѳеодоровича и кончая портретомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича съ текстомъ „Сказаніе о предкахъ Царя", въ бумажной обложкѣ по нижеслѣдующимъ цѣнамъ:

отъ 50—500 экз. по 9 коп. за экз.	отъ 3000—5000 экз. по 6 коп. за экз.
„ 500—2000 „ по 8 коп. „ „	„ 5000 и болѣе „ по 5 коп. „ „

Заказы на альбомы менѣе 50 экз. не исполняются.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Изъ исторіи взаимныхъ отношеній между православными и уніатами во „Мстиславщинѣ" въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII в. *Ѳ. Ж.*—Коронованіе православныхъ христіанскихъ государей. (Историческій очеркъ). Продолженіе.—О запрещеніи священнослуженія вдовымъ священникамъ и діаконамъ въ древнее время на Руси. (Историческая справка). *А. Антонинова.*—Дѣдушка Пахомъ. (Разсказъ) Свящ. *І. Орлова.*—Извѣстія и замѣтки.—Библіографическій Указатель.—Объявленіе.

Редакторъ *И. Пятницкій.*

Печат. дозвол. 1896 г. 3 мая. Цензоръ, *Каѳедральный Протоіерей І. Мигай.*
Могилевъ на Днѣпрѣ. Типо-Литографія Ш. Фридланда.